

МЕНА

17

1962

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

«...И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой».

Рисунок В. КАРАБУТА

БАСТИОНЫ РУССКОЙ СЛАВЫ

«...Бессмертная слава артиллериста Тушина, увековеченная в «Воине и мире», перенята на Швардинском кургане к артиллеристу Нечаеву...» — так писала газета «Правда» 7 сентября 1942 года.

В дни, когда наша страна празднует 150-летие Бородинского сражения, мы предоставляем сак во полковнику в отставке Нику Петровичу Нечаеву.

Сегодня мертвые спят в славной земле Бородинского поля. Сегодня живые приходят сюда, чтобы еще раз воздать почести тем, кто погиб за свободу родной земли. Над древними могилами — бронзовые орлы. Над древними могилами почти полтора столетия стоят гранитные обелиски, как бессмертные часовые в почетном карауле.

Каждый год 7 сентября мы отмечаем победу русских воинов в 1812 году, разгромивших «двунадесятиязычную» армию Наполеона и вышвырнувших ее за пределы Родины. Бородино — это символ героизма и беспримерного подвига всего народа, славного русского оружия.

Но в то же время мне кажется, что 7 сентября — это и праздник мира. Ведь именно мир победила на Бородинском поле. Отзвуки сражений еще доносились с поля Европы, но начало конца наполеоновским войнам было положено здесь, на этом поле.

И его утвердил народ-трикотажник

**Чествование героев-космонавтов
стало замечательной традицией
трудящихся Москвы,
радостным праздником нашего народа,
передовых людей всего мира.**

Н. С. Хрущев

Фоторепортаж о встрече героев космоса подготовили Г. ДУБИНСКИЙ, М. МУРАЗОВ, Б. ЯРОСЛАВЦЕВ

с оружием в руках, чтобы без помощи строить, творить.

Наш народ перенес много войн и всегда выходил из них победителем. История не повторяется, но дает поучительные уроки. Выпустившие и трансформировавшие солдаты разных армий, имеющие за плечами богатый опыт сражений, всегда оказывались на поле боя слабее мирных русских людей, грудью автаваших на защиту своей земли.

Высокомерные тевтонцы в свер-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

17

СЕНТЯБРЬ
1962

Год издания тридцать девятый

нающих шлемах, надежно защищенные крепкими латами, нашли свою смерть от мечей новгородских ремесленников. Иллюстрированные гвардейцы, участвующие в шестидесяти битвах, навсегда остались в русских снегах, упомянутые знаменитые хлебопашцы. Гитлеровские молодчики, покорившие чуть ли не всю Европу, не выстояли в бою против строителей «Магнитки» и Днепрогосса.

Профессиональные солдаты знают премудрости боя, но неизменно с мудростью иезинов, что приходит к людям с посаженными деревьями, с засеянной пашней, с построенным жилищем. Чем сильнее народ в труде, тем сильнее оказывается он и в бою, ибо защищает мир, созданный своими руками. Этого не понимают атомные мальчишки, которые заявляют сегодня о своей готовности взять на себя ответственность в ядерном конфликте с Советским Союзом. Они вынашивают планы миллионного удара. Но ведь Наполеон-то тоже говорил о войне с Россией, как о «военной прогулке» с несомненными местными оружием. «Блицкригом» грозил нам Гитлер, и его постигла участь Бонапарта.

Таковы уроки, которые дает история милитаристам — людям, делающим ставку на военную мощь.

Сейчас только слепцы считают,

что наше стремление к миру — это признак слабости. Как предостережение агрессорам, над Бородинским полем возмывается обелиск, на одной из граней которого сверкает в лучах солнца клинок русского меча, как бы напоминая:

«Поднявший меч от меча и погибнет!»
Тем, кто забыл сегодня об этом, напоминая в своем выступлении на Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир Никиты Сергеевича Хрущева: «Если агрессоры развяжут ядерную войну, они неминуемо и сами сгорят в ее пламени».

«...От меча и погибнет!»
Так было. Так будет.
Так было в 1812 году на Бородинском поле. Так было и памятник мне осенью 1941 года, когда наша батарея заняла позицию у Батрадиновских флешей. Потому что живет в русском народе великая любовь к Отчизне и передается из поколения в поколение. И мне не забыть молодого сибиряка Валерентия Шкамова. Он долго и раздумье стоял перед огромным серым камнем, который поставило на славном Бородинском поле французское правительство: «Мертвым Большой армии. 5—7 сентября 1812 года».

— Тут дед мой воевал. В двенадцатом... — негромко говорил Шкамов. — Те получили свое. И

эти тоже получат. Они пришли за русской землей, а получат такой же камень. На том земля русская стоит.

Я слушал негромкий голос Валерентия, который со слов дедки рассказывал солдатам о Бородинском сражении. И вдруг поймал себя на мысли, что он говорит о событиях почти стотридцатилетней давности так, точно все это происходило лишь два-три дня назад. Слово не отделило нас от Бородинской битвы сто двадцать девять лет. Будто одна ночь минула после многотрудного дня, когда наши деды и прадеды нанесли сокрушительный удар «непобедимой» армии Наполеона. Слово бы наутро нам нужно было закрепить успех, достигнутые вверя в кровопролитном сражении нашими предками.

Бородино готовились к новому бою. И грянул бой. Гитлеровцы бросились на приступ Шевардинского редута. На их пути вставали люди в касках с красной звездой. На их пути стояли гранитные памятники, над которыми ревели бронзовые орлы — символ легендарных побед русского оружия... — Огонь!

Первые снаряды моей батареи взметнулись из-под снежного пороха черную змею. Гитлеровцы ответили шквалом огня. Пули, осколки мин фашистов дробили гранит обелиска.

ЗАЧЕСКО ДНЕЙ НОСТАРТА

Наташа, дочь космонавта Павла Романова Поповича, настойчиво просила отца повезти ее в Москву посмотреть зверей в зоопарке. На семейном совете было решено в первый же свободный день устроить такую поездку.

Пришел этот солнечный день, и семья космонавта вместе с Андринном Григорьевичем Николаевым приехала в столицу.

До старта к звездам оставалось совсем немного времени, и космонавты решили погулять по просторным площадям и проспектам, пройтись по Москве-реке, побывать на Ленинских горах и в Центральном парке культуры и отдыха имени А. М. Горького.

Маленькая Наташа по дороге в зоопарк сообщила стишки:

Мы подем в зоопарк
И посмотрим там животных.
А потом ты подари
Мне в картинках книжку.

В зоопарке смотрели слонов и тигров. Наташа сказала на пони, и Павел Романович явно беспоясился: не упала бы дочка.

— Хочу воды, — попросила Наташа, едва они сошли с пони.

Андринн Николаев взял за руку девочку и повел ее к красному автомату, опустил в щель монету и, когда в стакане чистую забурляла вода, заболтовал: не слишком ли она холодна? Только после этого он протянул маленькую Наташе стакан.

Парк культуры и отдыха встретил космонавтов музыкой, веселым шумом, протростью аттракционов.

Колоде большое.
Мое дорожное
А Наташа маленькая
Вудет в ней удаленка!...

продолжала заниматься стихосложением девочка.
Это было воспринято родителями как жывий наем,

и космонавты с Мариной Лаврентьевой и Наташей направились к высокой площадке, где останавливаются кабины огромного вращающегося колеса.

Желательно покатались было очень много. Космонавты встали в очередь.

Павел Романович купил дольку арбуза, а Наташа шар и поднес его девочке. А та лукаво пролегла:

Я люблю эскимо —
Очень вкусное оно...

Андринн тотчас купил несколько серебрянх пачонок.

— Очень балуешь... — сказала Николаеву Марина Лаврентьевна.

— Приучусь за детьми ухаживать... — отшутился космонавт-холостяк.

Перед посадкой в кабины произошел смешной инцидент: какая-то миловидная девушка в светлом платье сказала, что она хотела бы

«Поднявший меч от меча и погибнет»

— Огонь!
— Мертвам большой армии — ло пострелял Лаврентий Шаповал, загоня снаряд в орудие.

Черная земля, вздыбленная взрывом, полностью загорела свежий снег. Огонь слонзавал черные кресты с брони побитых танков. Силы противника намного превосходили наших, но позоди Павла Москва, в где-то соседней ридом — на соседних высотах, в лощинах и перелесках — дрались, казались, русские гранадеры. Мы словно бок о бок сражались с ними. Мы были двумя соседними батальонами на одной линии обороны — обороны Отчизны. Нам нельзя было отступать.

Бойцы нашей дивизии не посрамили своих предков.
Сто двадцать девять лет назад офицер, посланный Кутузовым к войскам, указал на направление атаки. В этот момент народом ему отворало руку. Тогда он поднял уцелевшую руку и указал, куда намести удар. Возможно, колоссальней артиллерист. Отряд не знал об этом подвиге. Но когда снарядом из танка ему раздробило правую руку, он не оставил своего места у орудия...

С таким же героизмом, как артиллеристы Ржевского, дрался на Багратионовых флешах солдат Федор Чинман. Из всего

орудийного расчета он один остался в живых. Федор был ранен, но не прекращал огонь, хотя силы покидали его. Правозагодая боль, он подбил четыре танка и погиб смертью героя.

До последней минуты защищал Шевардинский редут молодой коммунист — илладший лейтенант Георгий Милов, стрелявший в упор фашистские танки.

Бойцы 32-й Краснознаменной дивизии выполнили свою задачу. Как и в 1812-м, осенью 1941 года под Бородином были обескровлены и подорваны силы врага. Изуродованные фашистские орудия, танки, навсегда застывшие среди гранитных и мраморных обелисков, стали памятниками бессмертной славы потомкам борющихся героев.

Там спустя 120 лет после легендарного сражения народ-труженик с оружием в руках утверждал здесь, на Бородинском поле, свое право на мирную и свободную жизнь.

...После палитной осени 1941 года а несолько раз бывал на местах аннушисх сражений. И однажды, стоя у памятника Кутузову, услышал чьето очень знакомый звук. Я замер, вступившись. Это был рокот танка, Рокот мощного двигателя «Т-34».

Танк появился из-за кустарника, вползча за собой пулю. Без пулеметов, орудийной башин «три-

дцатьчетверка» вызвала у меня сложное чувство. Было радостно встретиться со старым другом, который не раз выручал из беды в тяжелые минуты и одновременно но уж очень неожиданным был новый его облик. С глубоким волнением смотрел я на тот танк, который строил теперь людям самой мирной на земле профессии — хлебопашаца.

Машина замерла на меже. Пригнулся двигатель, на землю прыгнул высокой парель. Щурясь на солнце, на ослепительно белой облаке, медленно плывущие над Бородинским полем, он выгирал пролазненной пахлей сильные руки. Такие же ребята, как этот тракторист, сражались здесь в моей батарее за свободу этой земли в 1941 году. Такие же, как он, дрались, намерено, и сто пидесят лет назад на Шевардинском редуте, Багратионовых флешах и батарее Ржевского.

Сейчас россиянин этого юности поднималю ценную в стелгах Северного Казахстана, строит дороги и новые города в Сибири, ловит рыбу на Камчатке. Их руки уверенно держат баранку самовала и рычаги подьного крана, логарифмическую линейку и перфораторы вычислительной машины. Сегодня они сплужат делу мира.

И сегодня, в день столетидесятилетней годовщины Бородина,

весь наш народ-труженик, народ-строитель громко заявляет о своем стремлении к миру, о своем желании увидеть землю без орудий, мирную землю, освещенную солнцем.

Чтобы на каждого жителя нашей планеты было припасено по сороксемидесяти тонн не взрывчатого, а хлеба. Чтобы те 120 миллиардов долларов, которые ежегодно расходуются сейчас на военные цели, помогли превратить пустыни в цветущие сады, построить солнечные города, пробиться к звездам. Наш народ присоединит своей голос к заявлению представителей 121 страны на Всемирном конгрессе за всеобщее разоружение и мир: «Мы твердо верим, что разоружение не только жизненно необходимо, но и возможно. Внебра оно было лучшей лучшикой умов человечества. Сегодня разоружение стало практической задачей, за решение которой должен бороться каждый из нас».

Но если вновь опасность нависнет над Родиной, руки простых тружеников уверенно возьмут рычаги боевых машин, поведут сверхскоростные истребители, лягут на пулы ракетных установок. И снова, как в 1812 и 1941 году, весь наш народ встанет, как один человек, как один Великий гражданин своей Отчизны, на защиту Советской Родины.
Так было. Так будет.

ахат не с Николаевым, а с подружкой, которая на беду задержалась. — Садитесь! — строго приказала дежурная. — Будем мы еще ждать подружек! Проходите вы, граждане в клетчатой рубашке!

Андрюша Николаев (то к нему обратился дежурная) робко вошел в кабину и занял место рядом с девушкой. Та была очень недовольна таким соседством и даже отвернулась. Но потом, когда колесо закатилось к небу и с высоты открылась столица с ее высокими домами, парками, сверкающей Москвой-рекой, соседка космонавта, посмотрев на красивого молодого человека с умными черными глазами, повеселела и улыбнулась ему:

— Красиво жак!
— Совершенно верно... — согласилась Андрюша.
Я не успев спросить имя девушки и узнать, кто она. Интересно, вспомнила ли

она теперь о ерейсе в колесе с космонавтом, по отношению к которому была вначале так непринкливо сурова?
С высоты вращающегося колеса Андрюша заметил все один аттракцион, и по его предложению все пошли на «автродом», над которым кружился забавный самолет-игрушка.

Павел Романович и Марина Лаврентьевна сели в кабину «самолета» и взяли с собой дочку. Зашумел мотор, завертелся пропеллер, Наташа закричала, а «самолет» уже полетел по кругу, ветер ударил в лицо, сорвал с ее головы колпак из газеты, и светлые волосы рассыпались, закрыли глаза.

— Папа, тебе не страшно? — спросила Наташа отца.
— Страшновато... — изобразил на лице испуг, ответил Павел Романович.
— Мама, а тебе тоже страшно?
Марина Лаврентьевна кив-

нула, а потом переглянулась с мужем и засмеялась.

Напомним: Марина Лаврентьевна — летчик, она не раз участвовала в воздушных парадах на праздниках в Тушине, демонстрируя в небе мастерство высшего пилотажа.

Потом оба космонавта решили покататься на «эпilotажном самолете». Две немолодые женщины в козырьках старательно приваляли космонавтов ремнями.

— Ты на самолете, сынок, летал раньше? — спросила одна из них Николаева.
— Не приходилось, — серьезно ответил Андрюша Григорьевич.

— Тогда покрепче держись! Смотри, на расстоянии ремни. И никаких движений! Понимаешь? Полет у нас очень серьезный.

Я заметил, что космонавты ни смехом, ни движением не выдали своего шутовского отношения к игрушке-аттракциону.

Загудел пропеллер, «самолет» взмыл вверх, сделал полный круг — «аплато Нестеров» — и рухнул к земле.

— Из космоса на посадку! — весело крикнул Попович другу, когда самолет в третий раз, описав круг, летел вниз.

Весельем, счастливым, покажи космонавты на Ленинские горы. Они были там, где Герцен и Огарев давали кличку на верность революционной Борьба, любовались Москвой-рекой, Лужникам, университетом.

От ходьбы, впечатлений и солнца Наташа устала. Павел Романович усидя дочку себе на спину и понес ее с балюстрады вниз, к реке. Там космонавты сели на речной трамвай и отправились вдоль гранитных берегов; над ними проплыли мосты, а потом показался ярко освещенный солнцем Кремль.

— Красная наша Москва! — востановительно сказал Андрюша. Глазья у нас не и не могу наглядеться.

Он поднял узкокопленный киноаппарат и стал снимать берега, мосты, зубчатые стены Кремля, Наташу, маму и друга-космонавта.

— Вернемся из рейса и снова, как сейчас, поведем вместе, — предождал Павел Романович, Андрюша Григорьевич молча кивнул головой.

Попович заулыбался и тихо зашел марши космонавтов:

Земли, земли — планета голубая,
Ты лучше всех,
Прекрасней всех планет...

В хоре космонавтов Попович — запевала, Андрюша тоже поет в хоре, поэтому он тут же подхватил припев:

Земли, земли — планета голубая,
Ты лучше всех,
Прекрасней всех планет...

Виктор ЛЕВАШОВ

Рисунок А. БАВАНОВСКОГО.

МА ТРИДЦАТИ ДОРОЖЕ

РАССКАЗ

1

«Ладно, ладно, а кто из вас за три часа проскочит через перевал до Коканда, ну-ка! Кто из вас проскочит без отрыва из Ташкента в Алма-Ату?»

— Ну-ка, — сказал Табаков презрительно. — Кто из вас добьется до Коканда за три часа? Ядичь водки тому, кто меня обгонит!

Шоферы молчали, глядя на него глухо и враждебно. Но никто из них не влезал бы тигаться с Табаковым от Ангрена до Коканда, от Ташкента до Оша, от Пискента до Фрунзе и на любой другой дороге. Никто из них не влезал бы везти груз по новой горной дороге через перевал. Порожником — можно, с грузом — нет. С грузом нельзя. Опасно с грузом.

— Что ты стоишь, как девочка? — сказал Табаков клиенту, который нерешительно топтался между тремя машинами. — Грузи своих баранов. Сто рублей, и вези любовь.

Клиент появился. Оглянулся на утробных шоферов.

— Что ты стоишь? — повторил Табаков. — Дешевле хочешь? Не будет тебе дешевле! Ишь, он хочет и дешево и быстро!

Один из водителей поднял голову. Тотчас в лицо ему уперся взгляд Табакова.

«Может, ты повеешь дешевле? — спрашивал этот взгляд. — Через перевал, с грузом, а? Может, ты знаешь ему, что таков вдвое меньше, а? Ну говори!»

Но шофер ничего не сказал. Он вырвался и отошел с приятельями к своей машине.

И сорвал бы Табаков сотряну с неопытного клиента, если бы в

эту минуту не выехал из переулка на базарную площадь ревущий «МАЗ» бешеноброго Кольки-комсомольца. «МАЗ» — вагон с кузовом, длинным, как летний день. По-видимому, еще из кабин Колька оценил обстановку: нахально-воинственную позу Табакова, хмурых шоферов в стороне и клиента, который подгонял баранов к табакоскому фургону.

Колька соскочил с высокой подножки, помахал водителям, лица которых засветились сдержанным интересом, и подошел к клиенту.

— Тебе куда?

— В Коканд.

— За сколько подрядился?

Клиент вновь повеял и ответил жалостно, точно ища сочувствия:

— Сто рублей... М-м-м! Больше деньги!

— Так, — сказал Колька-комсомолец и покосился на Табакова.

Бледное мальевое лицо его потемнело. — Так... Опыт за свое принимался, Волк?

Табаков равнодушно отвернулся.

— Спекулянт? — в упор обратился Колька к клиенту.

— Что?

— Ты спекулянт, а спрашиваю?

— Я спекулянт? — завопил внезапно вдруг тот.

— Бараны чья? — допытывался Колька. — Собственные? Купил? Продаешь?

— Спекулянт! — язвительно сказал клиент, путаясь в бумажках, которые поспешно извлекал из кармана. — На, смотри, если читать умеешь! А то — спекулянт!

Колька внимательно прочитал бумажку, осмотрел печать и подпись.

— Эй, дру! — окликнул клиента Табаков. — Давай груз, некогда мне с тобой прохлаждаться. Грузи да поехали!

— Постой, — сказал Колька, прчтя тяжелые руки в карман светлого-желтого ватника. — Сто рублей, говоришь? Грузи туда... Глазами указал на свою машину. — Пятьдесят рублей. Тариф.

Пунжистые усы Табакова шевельнулись, по хитрому загорелому лицу поползла нехорошая усмешка. Он коротко рванул ворот рубашки и медленно пошел на Кольку-комсомольца. Шоферы подались вперед, зная: Табаков бешеный.

Колька, повернувшись, смотрел на Табакова. Когда между ними осталось пять-шесть метров и движения того стали упрямими, а кулаки сжались так, что болбели суставы, Колька выстрепал руки из кармана ватника. В правом кулаке у него был тяжелый плоский япальник. Колька похлопывал им по раскрытой ладони левой руки.

Табаков остановился.

— Ну что, Волк, — сказал Колька чуть вздрагивающим голосом. — Ты слышал, как поросата визжат, когда их режут? Интересуешься? — Цену сбавишь? — тихо спросил Табаков, прчтя за спиной уполковоенных руки.

— А мы об этом на собрании поговорим.

На собрании все мы смеем. Скопом на одного... Брось рашпиль, если ты такой смелый.

— Зачем? — намертво спросил Колька. — И им ногти чищу. Табаков качнулся на козлах вперед, чтобы вызвать заднее движение и сказать затем: «Не бойся, гида, руки об тебе марать не хочется!»

Но Колька был не из слабонервных. Слабонервные с Табаковым не спорили. Не вставали из его дороги.

Клиенту приподнялся и мягко шепсел на ладонь. Табаков повернулся и не спеша пошел к своей машине. Перед тем, как тронуть с места, увидел в зеркале шоферов, обступивших Кольку и похлопывавших его по спине. Один из них посмотрел вслед Табакову и засмеялся.

— Скажись, скажись... — завалился злобой на водителя, пробормотал Табаков, выводя машину на просторную магистраль. — Погодите, и за два доберетесь! А Волк не обманет, он свое всегда возьмет!»

Пятилук, залетающий в кабину из открытого окна, мелкание обремененных талов по обочинам шоссе успокоили Табакова. Высоко и чисто бел повалился, только что обкатанный мотор, того плескался за спиной серый брезент кузова, по сухому асфальту ропотали нестертые протекторы. Машина была молода и здорова. Она служила ему, как служат ноги человеку; нужно только заложить поить, и человек идет, не раздумывая, как и куда ступить.

Этот Табаков умел, потому что был едва ли не лучшим шофером в

республике, хотя о нем и не писалось в газетах и даже фотография его не висела на доске почета автобазы. Он был Волком, как назвал его еще на первых порах Колька-комсомолец, и прозвище это (оно впоследствии поправилось и польстило Табакову) нагло к нему приросло.

2

Если глубокой ночью по шоссе мимо моего окна прорвет, просвистит, как снаряд, поджарая машина и свежие звезды заслонит на мгновение высокий кузов, я знаю, что это грузовик. «ГАЗ-51». В кабине — двое. Один ведет машину, другой дремлет, вжавшись в угол. Потом они меняются.

Иногда в кабине только один человек. Это значит, что он работает без напарника. Это значит, что первого числа каждого четного месяца он взбирается на тугое сиденье и на тридцать дней покидает

гараж. А напарник его — с темным лицом, воспаленными веками, — сдав в бухгалтерию вырубку, на тридцать дней отправляется домой. Он будет долго мыться в бане, отсыпаться двое суток и потом лишь — в чистой рубашке, причесанный и просветленный — отодвинет грузной рукой тарелки с обильного стола и повернется к сыну-шести-класснику:

— Ну, как живешь, рассказывай... Понахвтал, небось, двошек? А в это время его товарищ будет колесить по дорогам области и республики. Да и не только одной республикой. Куда не забросит иной раз работа из родного Ташкента: в Алма-Ату, Джезказган, Фрунзе, Ленинабад!.. Выл бы груз, а чем дальше, тем лучше...

Нет шоферов более решительных, чем водители грузовиков. Нет шоферов более умелых и более выносливых. Нет шоферов более знающих.

Они знают, где и когда раньше всего созревают огурцы и виноград. Они знают, из каких шишлаков везут колхозники гранаты и яблоки на ташкентские шумные рынки. Они знают, в каких местах нужно

терпеть недолго заката и на каких дорогах его искать. Они все знают. Им нельзя не знать. На то они таежоры.

3

В пятнадцати километрах от Ангрена в сторону Коканда, сразу же за мостом через тремилетнюю дугу, в которой сливается здесь с мутными струями Гезин-сай, текущие из снежников Курганский хребта, стоит маленькая чайханка. Заедует ею высокий старик узбек с коричневым скорбым лицом и вильными усами. Он переехал сюда несколько лет назад с несметной и двумя усами, оставив в центре близлежащей кашанка новую чайханку, построенную сыном.

В любое время суток открыта чайханка у моста через Ангрен-сай. В любое время суток здесь ждут усталого водителя горячей чай, чашка дымящая пурим и мятая лепешка.

К маленькому домику пристроен деревянный терраса с навесом, пустующая зимой. Во внутренней комнате три больших круглых стола, железная печь, пыщащая сухим жаром, просторный деревянный помост, покрытый белой кошмой. Рядом с дверью — вторая печь, кирпичная, на которой томится в ожидании гостя отряд фанайских чайчинов с темными вышитыми на отбитыми носами. За дощатой перегородкой, в кухне, гремит посудой невеста старого Рашида.

В один из поздних февральских вечеров, когда резко ветры обдували одинокий домики у дороги, тяжелая ночь скрывала заснеженные горы и во внутренней комнате чайханки, слабо освещенной керосиновой лампой, по-осенним хлопьям молчаливая, сонная тишина, со стороны долины послышался слабый гул мотора. Он скоро вырос и превратился на площадке за мостом. Хлопнула дверца кабины, по деревянной террасе прогремели тенью шаги, и кто-то, ругнувшись вполголоса, толкнул в сторону дуги. Новое звуков в том шорохе, который лежал у стены на помосте, поднесу под голову свернувшись ватник. Он пошелвлел, пристал с закрытыми глазами, откинулся на спину и вновь ватик. Рашид-ака, дремашный сила, со скрепченными ногами, выдротнул и поднял голову, вглядываясь в высокую, ладную фигуру гостя, темный чуб на збу, острый профиль и густые усы. Скорбное темное лицо старика сматчилось, тонкие губы шевельнулись в едва заметную улыбку.

Табакос молодец, герой... — проговорил он, поднимаясь с помоста. — Как твои дела?

Табакос небрежно пожал его сухую горячую руку и опустился на ступу.

— Дела как сажа бела... Триста километров порожником — вот какие дела... Покреть найдется?

За соседним столом лютый светловолосый парень в черном бушлате откинулся на ступе, присматриваясь к Табакосу.

— Куда путь держишь?

Табакос неопределенно мотнул головой, взглянул без интереса на матроса и крикнул за перегородкой:

— Скоро там, ака?

Потом повернулся к парню:

— Тебе куда?

— В Наманган.

— Не еду... равнодушно сказала Табакос. — В отпуску, что ли?

Матрос вынул.

— До Пумгана доберуся, — сказал Табакос, принимая от старика глубокую миску. — Там перекусить, а завтра — автобусом...

Матрос кивнул, вытаскил из-под помоста вещичек и вернулся на прежнее место.

— Как дорога, ака? Машины идут? — спросил Табакос у чайханщика.

— Ми... Совсем машина... — сказал старик, глядя в черное стекло и к чему-то прислушиваясь. — Совсем мало. Одна машина прошла.

Большая машина... Кошка-джан...

— Кошка-комсомолец? — невзвучно спросил Табакос, отрываясь от еды.

— Кошка-джан, да, да... — задвывая старик. — Молодец, совсем ничего не боится... Смелый мальчик...

— Ишь ты! — пробормотал Табакос вполголоса. — Смелый мальчик! Все спешит, все спешит, все напрямик едет... Доедет...

— Что ты на него так? — спросил матрос.

— А это и сам знаешь... — сказал Табакос. — Твое дело — ехать и плакать, а остальное — мое дело. Так-то, матросик... А отсюда, ака?

— Да, да... Оттуда не везишь, Табакос... Туда — есть, отсюда — нет.

— Что ты говоришь, дед? — сказал матрос. — Час назад оттуда машина прошла!

— Нет, — сказал старик. — Это такая дорога, по которой машин не возвращаются. Это трудная дорога. Темная дорога...

Табакос повернулся к старнику:

— Брось меня поспитать, ака. Не маленький...

Матрос недоуменно поперхнул на Табакоса. Тот покрутил пальцами у виска, сказал так, чтобы не слышал старик:

— Зваскаивает у него иногда... Сын его, Саид, туда уехал, а отсюда не вернуся. Об стену стукнулся, а потом... (Табакос ткнул рукой вправо и влево, указывая тем, по столу.) Птичка была шероховатая. Другой мой. Тоже Волк... Все мы в одну сторону едем, если так разобратся...

4

Через час впереди мелькнул огонек и меча за выстругом скалы. Машина шла на подъем к перевалу. Вечера нависали стуробы снега. Вперемежку с обледенелыми коричневыми надунами, спрятались отдельные столбики, точно белые постовые с черными гал-

стурами. За ними было черно и бездонно. Молочные звезды образовались на очерченных снежным хребта.

За одним из поворотов отки появились снова два красных и белые. За ними — Маза. Маза — высокая висячая пороховая, освещая массивные скалы на ледяной корке. Кошка-комсомолец и пассажир лодками кидали под колеса красной песок и щебень с осмы.

Табакос обогнул Гордыню машину и остановился. Обхватившись с бою несколько минут с удовольствием смотрел на облизавшихся котом лодке.

— Как здорово, смелый мальчик? — крикнул он Кошке. Тот выпрыгнул, отер лоб и замесился.

— Не жалуюсь... И тепло, и мухи не кусают... А ты давай-давай, жми... —

— Видишь, какой смелый мальчик, — сказал Табакос матросу. — Гордынь мальчик!.. Ну, поехали. Выйди, комсомолец, не опоздай на собрание!

— Не надейся, буду вовремя...

Когда подфарника Кошкина «МАЗа» поглотил за поворотом, матрос оглянулся на всеселе лицо Табакоса и негромко сказал:

— У нас на флоте так не делают.

— Как это?

— А вот так. У нас на флоте товарища в беду не бросают.

— Понучить меня хочешь? — добродушно отозвался Табакос. — Пончи, пончи...

Парень промолчал. На крутом повороте Табакос бросил на него быстрый взгляд. Матрос сидел, втянув ноги, несколько позволила тестировать себя, шурша ступи газа, смотрел на мелькающие столбики. На лице его не было ни злости, ни досады, лишь спокойная, уверенная задумчивость. Табакос почувствовал легкое раздражение и прибавил газу. На коротких промежутках участка столбики сливались в тень, а затем летели и лишь на поворотах чуть замедлили свой бег. Устал ограниченным звуком, надавливая темные скалы слева и исчезали в ночи.

«Ишь ты, боится», — подумал Табакос, покосившись на пассажира. — Тот же смелый мальчик...»

— А вот так, — продолжал, — продолжал я, — загворил Табакос, не отрывая взгляда от дороги. — Собрания устраивают... По душам норотов порожать... У меня в армии старшина был. Попадает, бывало, комсомолец — смурный! Потом — польно! А тогда уж садится рыдом и напевает: «жирно! и с тобой, Табакос, по душам разговор иметь». Какие твои мнение, например, о любви и дружбе?.. Потека!

Табакос звучно и с удовольствием потянул носом воздух, надул щеки, резко выдохнул.

— Это что люди все желают друг друга учить? — загворил Табакос, не отрывая взгляда от дороги. — Собрания устраивают... По душам норотов порожать... У меня в армии старшина был. Попадает, бывало, комсомолец — смурный! Потом — польно! А тогда уж садится рыдом и напевает: «жирно! и с тобой, Табакос, по душам разговор иметь». Какие твои мнение, например, о любви и дружбе?.. Потека!

— Ну, — сказал матрос невнимательно.

— Кто ну?

— Почему же ты не принимаешь?

— А ты про это... А что мне с коллектива? Кошка-комсомолец в том коллективе аппарател. А нам с ним не по дороге. У меня свое направление... Ты через Ташкент едешь? — внезапно сменил он тему разговора.

Матрос кивнул.

— А что не поездом или самолетом?

— Опоздал.

— Чужак человек... Пересел бы в Ташкенте, а утром — самолетом... Люблю я на самолете летать. Летом в Сочи подается... Очень элегантно! Спешить, значить?

— Спешу.

— Все спешить... — сказал Табакос. — К девке, а? Или к жене? Тот-то и я смотрю — вроде ты здесь, а вроде и нет... Вот спешить-спешить, приходишь, а у женика под бокком хахалка. Тогда как?

Матрос умекнулся.

— Надеешься... с каким-то влорядным удовлетворением отметил Табакос и жестко заключил: — Все они, бабы, на один манер.

— Да? — сказал парень.

— Он умеет хаять! — вскинул Табакос и бросил машину в головокружительный вираж. — Ишь ты, он умеет хаять! Молод ты, парень, на мое слова умекнулся!

Табакос вывел машину на прямую и успокоился.

— Письма, небось, писал?

— Писала, — сказал матрос.

— Мне вот тоже писала... Целью чмедоман... Дорогой мой и любимый Васенька... Это я, между прочим, Васенька. Жду ответа, как птичка летит...

— А потом? — спросил матрос.

— Вот тебе и потом... Сам знаешь, если повеет. Тоже, небось, какая-нибудь...

— А про это промолчи... строго сказал матрос и прищурился.

— А что?

— Ничего. Промолчи, я скавал.

— Ишь ты, — ухмылинулся Табакос. — Смелый мальчик. Много вы на свете развелось — смелых мальчиков...

— Ишь ты, — сердито сказал матрос и отвернулся. — Будь спокоен!.. Дорога становилась все ровнее, спуски положе. Полюбовно серая лента поща выбралась из каньон и стремительно бросилась вперед — прямая, как стрела, — заканчиваясь там, куда хватало силы фар. Изглыбли на ночь спешные кишлаки за желтыми дувалами и возвращали в кабину сухой и теплый приток.

— До Намангана — еще половина. Повеешь? — нарушил матрос долгое молчание.

Табакос не шевельнулся.

— Пятнадцать, — сказал матрос.

— А ты, видать, богатырь! — бросил Табакос тем презрительным гал-

тоном, каким он всегда разговаривал с заказчиками, предложения которых не заслуживали внимания.

— Двадцать.

Табаков оглянулся на пассажира. Тот сидел, откинувшись на спинку сиденья, и напряженно смотрел вперед, сильно прищурившись.

— Семейный мальчик, — раздраженно подумал Табаков. — Гордый мальчик!.. Но ты будешь ночевать сегодня в чайкане у Пугмана. Сидишь уж ты уверенный!..»

И вслух сказал:

— Тридцать! — твердо зная, что ни один человек в своем уме не заплатит тридцать за сто километров.

Матрос достал из внутреннего кармана бумажник, раскрыл его. Потом обшарил карманы форменки.

— Двадцать шесть, — сказал он.

— Вот ты у меня где — а кудаже, — подумал Табаков и тут понял, что тарань этот будет ночевать сегодня дома. Потому что двадцать шесть рублей за сто километров — это слишком хорошие деньги, чтобы от них отказываться. От денег нельзя отказываться. Раз отказался, а другой раз они от тебя откажутся.

— Все спешим, — сказал Табаков, отгибая согласие. — Если разобьется — куда спешим?..

— А это не твоё дело! — всорвался паренёк. — Везешь?

— Просто интересно мне посмотреть, какая будет у тебя встреча, — сказал Табаков.

5

Табаков вышел из кабины и открыл капот, делая вид, что вслушивается в работу мотора. Стук повторился. В одном из окон вспыхнул свет.

— Свеч! — громко и радостно сказал паренёк.

В наступившей тишине загремел засов, женский голос обинул и оборвался на полуслове...

Табаков опустил капот и забрался в кабину. «Недаром спешил», — подумал он.

Вспыхнул свет еще в двух окнах.

— Недаром спешил, — тоскливо пробормотал Табаков, глядя перед собой пустыми глазами. Сунул руку в карман за папирсолой. Под пальцами защебетали оставшиеся матросовы деньги.

— Последнее отдал, — подумал Табаков. — А я взял!..»

Низкий, сильный и красивый гудок разрушил тишину спящей улицы. Табаков испуганно одернул локоть и усталым лежал на клясоне. Потом заруг, неожиданно для себя, уже нарочно положил руку на баранку и влодо ускорился, слушая красивые органные сигналы своей машины.

На освещенной занавеске мелькнула тень, скрипнула дверь.

— Что ты гудишь? — крикнул матрос с крыльца. — Эй, что гудишь, спрашивая, с ума сошел?

Под его ногами в гудки всколыхнулись освещенные окна.

— На твои деньги, — устало сказал Табаков. — Червонец — такая у нас здесь цена.

Матрос медленно покачал головой, всматриваясь в лицо Табакова, и отнял его руку.

— Что ты на меня усталый, как на больную овцу? — сказал Табаков. — Верн, пока даю!

— Нет, — сказал матрос. — Оставь. Они тебе нужнее. У тебя ведь, кроме них, ничего и нет больше, а?

— Верн, дура! Да у меня четыре тыщи на кляске лежат!

— А хоть бы и десят! — Парень выпрямился, поправил бушлат, накинутый на плечи, и засмеялся: — Все равно мало, Волк. Будь здоров!..

Души недавнего дождя вновь зарыбали под ногами матроса и погасли.

В отсутствующем Табакова тишине чисто бел молодой и сильный мотор.

6

Это была гонка самого высокого класса. Табаков спешил в чайкану у дороги, обвешанную всеми ветрами. Он спешил туда, потому что это было единственное во всей ночной земле место, где его ждали. Он не выдрогнул и не съехался, когда прогрезил в пяти сантиметрах от бортов его маневры седельный «МАЗ». Кольцо-комсомолец — спускающийся в долину. Он не приторговал, и не победил, только резко вывернул руль и отскочил, когда левый задний скат бухнул и задок понесло к пропасти.

Над горами вставал медленный рассвет. Вследние тени лежали в заповедных ложбинах. Светло-голубые чистые ледники тихо свистели на фоне воднистого неба.

В чайкане, скрестив ноги, дремал старик. Он подлезал вперед, когда Табаков хлопнул дверью.

— Вот видишь, ака, — сказал Табаков громко. — Я вернулюсь.

— Ты думаешь, что так легко? — печально отозвался старик. Узнав его. — Многие думают, что вернулюсь, а они не вернулюсь. По этой дороге трудно возвращаться, Волк, смелый мальчик!..»

Табаков сел на стул и положил подбородок на усталые руки.

— Я сказал Сидку: вернись, петрошко и печально продолжал старик, вытягивая тонкую шею и к чему-то прислушиваясь. — Но я сказал ему слишком поздно... Он не услышал, что сказал отец. Он и тебя увел за собой... Ты еще не вернулюсь...»

— Вернись, — тихо сказал Табаков.

Старик несколько подошел к стулу и задал лампу. Синий чад поднимался из закопченного стекла и растворялся в расцветшей мгле, которая стекла с гор.

БРАТЯ КРОВНИ И БОЯМ

Понять народ — это понять его душу. А душа народа — в его музыке, стихах, в его искусстве. В этом году в составе делегации советской молодежи я побывал в Болгарии. В Софии, Пловдиве, Варне я еще и еще раз мог убедиться, что у меня есть брат, брат по истории, по крови, по духу. И когда я слушал стихи одного из самых интересных молодых болгарских поэтов, Любомира Левчева, взвихренные, полные неподдельного увлечения перед микрофоном, я чувствовал, что это стихи и обо мне и о моих друзьях, что у нас с Левчевым не только одно общее мироозернение, но и общее мироощущение.

Сейчас молодая болгарская поэзия в лице ее лучших представителей — Любомира Левчева, Дамияна Дамиянова, Андрея Терзиянова и других — успешно развивает богатые поэтические традиции поэтов старшего поколения. С большим творческим удовлетворением работал я над переводами стихов молодых поэтов Болгарии — моих братьев, моих друзей, моих товарищей по борьбе за новую, светлую жизнь.

В. ЦЫБИН

Владимир ЦЫБИН

В ГОСТЯХ

Начат зяблонь высоку
и шорох

в ветках,
как маши по кругу
в веселых руках!
Нам седьме Балканы —
родительский дом.
Нам подюость бокам
с лучшим вином.

Что жи тост — то набат,

что ни тост — кривной брат.

Что ни дом — то столы!

Кабаки жгут поля,
то боком,
то на коротычках,

то по земае,

то вает

за ситперого кофточкой

русский идет!

О медолье торты

шириной в полстол!

О хороши тосты

за наши дела!

Здесь нам яство любое,

нам и стол и кровать.

Перед отой альбомю

лучше хочется стать,

стать и выше и чище,

прямей

и добрей!..

Не забыть мне ручищи

мороков,

сласерей

из Софии и Варны,

где столетье повалью

наши песни поют.

Зря ли «Адаш Иваново»

здесь Россю зовут!

И дах нас их простые

улыбки, слова!

Ведь для них мы — Россия!

Мы — Сибиря!

Мы — Москва!

Эту страсть, эту веру

всем бы в мире парням.

Мы ведь

братья по веку,

по крови и боам,

И пускай бауат часты

тосты эти,

когда

звучат наши чашки,

будто комокол!

Нас встречают по-братски,

с любовью живою.

Русский!

А ты-болгарски

это значат — ты свой!

ПО ВЕКУ,

Любомир ЛЕВЧЕВ

КРЕМИКОВСКОЕ НАЧАЛО

Картина еще не красива
покуда —
ни гула,
ни чуда!
Лишь черная пашня,
лишь солнце светлое,
голое поле.
(Вавоие поле.)
Кто
в тебя, поле, царю так бросил
зерна мечты,
а не звонкую озимь?..
Дымятся загадочно бородавы, хочи,
как очи кукушника — праждела очил
Но вот превращается марево это
в далеких, высоких
труб гласуны.

Стеканые крыши
близ скверов мелькают,
веселые окна
отлики играют!
Мы видим, сбавляется даль
с новой далью,
любujemy мы
раскрасневшую сталью.
Мы смеются!
О, кто упрекнет нас, скажи,
что наши мечты —
всего мираж!
Весь герде вьра бы другое заблюдо,
когда бы пути к красоте позыбли!
— Товарищи!

Начнем!

Андрей GERMANOV

В РАБОЧЕМ ПОЕЗДЕ

Я поезд встречало
раньше.
Мне это все как будто сон:
и маки семафоров
разные,
и стук колес, и рельсов звон!
Все это, словно продолжение
чуждесных снов...
Гремит мосты.
И все —
и стремительном движении,
как продолжение красоты.
А поезд, спиора с встречным ветром,
летит
с откоса на откос.
Вагон запит рабочим цветом
расщепших дружно папирис.

Тем цветом наших будней стойким
саниты навеки
в единый сплав
твоя, о Река Десна, стройки,
твоя заводды, Белославил
Сквозь синеватый дым
над баузами,
как будто в море, на ветру
блещет лампа, как меудзы,
сияющие на свету.
И на созвездиях-возралах
того же дыма
тут же заши!
Тем сходит весело грядущее,
в глазах, в своих сердцах
несущее
предчувствия, судьбу
и дни.
И ты в глаза ему взгляни!

Марко НЕДЯЛКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЗЕМЛЕ

Прежний я мальчишка
в рыжей шапке!
Кажется мое былое шутким.
Прежний ж А может, и
не прежний!
Жизнь моя, звучи
весенней песней!
И земля с озерами, лесами
пусть посмотри снимки
глазами...
Бородавы ложатся, словно шучки
лыжные.
И просят плуату руки...
У кого спиору я в чистом поле,
была ли я мальчишкою, такой ли?
— Нет! Не прежний я, —
себе ответчу —
Я иной — от времени, от ветра!
О земле, с прослаждо эхтовой,
дай ты крови мне сповой зеленой!
Дай мне силу,
чтоб ходила я лесом,
чувствуя себя все тем же,
прежним!
..Небо я хочу
стрести в охапку,
быть хочу
мальчишкою в рыжей шапке,
я, усталый, по ночам не спавший,
стал на десятк лет вперед
я старше!
О земля,
когда ж, бродя по свету,
прежнего себя узнаю, встречу?
Переводы В. ЦЫБЕННА.

УРОК НА БОРОДИНСКОМ ПОЛЕ

Опять на Бородинском поле
Цветут осенние цветы.
Сегодня твой урок не в школе,
А здесь дашь ребятам ты.

Когда с высокого кургана
Они на поле кинут взгляд,
Страницы дивного романа
Для них иначе зазвучат.

Не умрает подвиг ратный,
Когда его хриплот сердат,
И всех учебников поинтерья
Могла павшего бойца.

И разве ты сказать не вправе,
Что здесь солдатский начал путь,

Что здесь,
не думая о славе,
Сумел в глаза смертям взглянуть!

Пусть мир цветет и хорошеет,
Но о войне забыть нельзя.
Идут тропичкою к трапезе
Твоя притяженье Друзья.

Понятно им твою волеенье,
Ясной не сложавя лигето.
Такое нужно «отступсвенное»,
Хоть в плане не было его.
Лишь так было стает близким
И потеплеет мрамор плит.
Двух войн народных обласки
Любовно соядце золотит...
г. Ленинград.

«ТИХИЙ ОКЕАН, до востребования...»

Под таким заголовком в «Смене» № 2 за этот год был опубликован очерк Г. Анзимирова и Ф. Родионова. В нем вскрылись серьезные недостатки в организации труда и быта камчатских рыбаков. Критика журнала признана правильной. Вот что ответил редакции «Смена» заместитель начальника Главного управления рыбной промышленности ВСХВ тов. Семенов:

«Управление тралового и рефрижераторного флота «Камчатрыбпром» специально для обслуживания моряков выделен грузо-пассажирский теплоход «Корсаков». Он совершает еженедельные рейсы из Петропавловска в районы промысла рыбы. На теплоходе открыты обменный пункт инвентаря, библиотека, врачебный участок, магазин.

Только с апреля по июнь нынешнего года библиотекой плавбаза получила три с половиной тысячи новых книг. Базовым комитетом профсоюза для библиотек, кино-командия и красные уголки выплачено газет и журналов на сумму 5 600 рублей. На плавбазы и промысловые суда направлено 330 новых фильмов, причем обменный пункт разрешил судам обмен кинокартинами.

В марте на всех судах Бристольской экспедиции побывала агитбригада Камчатского обкома ВЛКСМ. В апреле и мае лекторы Камчатского областного отделения Всесоюзного общества по распространению политическим и научных знаний, обкома ВЛКСМ, Управления тралового и рефрижераторного флота, Приморского крайкома КПСС прочитали рыбакам свыше 120 лекций.

Приняты также меры по улучшению отдыха моряков. С каждым рейсом теплохода «Корсаков» в район промысла из Петропавловска направляются рыбаки из резерва. Они подменяют членов экипажей, уходящих в отгулы. К услугам отдыхающих рыбаков в Петропавловске в ближайшее время открывается гостиница на 420 мест. Здесь созданы все необходимые условия для отдыха моряков. Решено с помощью музыкальной обществности города создать ансамбль моряков. Каждое промысловое судно будет обеспечено музыкальными инструментами, спортивными инвентарем, играми и т. д. »

Вопрос об улучшении культурно-бытового обслуживания рыбаков обсуждался в Камчатском, Сахалинском обкомов и Приморского крайкома КПСС.

ВЫЖИВАЮТ ВЫЖИВАЮТ ВЫЖИВАЮТ

В. ТРЕТЬЯКОВ

Разговор с разочарованным человеком

Чудесный ты вырастил виноград, Исая Лозы веером забираются к плоской крыше, листья густа, а гроздья такие длинные и тяжелые — ягода жалко сорвать: нарушится красота.

— Все дело в правильной маркировке, — улыбаясь ты. — Надо подрезать лозу так. Я смотрю на изумрудные гроздья и думаю о твоих, Исая Хизгиев, письмах в редакцию «Смены».

Почта приносит нам разные письма: строгие и сердечные, деловые и откровенные, назывные и восторженные. А твои письма? — Когда-то и я мечтал о подвиге, но столкнувшись с жизнью, почувствовал, как трудно его совершить. Мне двадцать четыре года, а до сих пор не живу по-настоящему, идя сюда, ступая в сторону, как корабль, который при шторме потерял курс. Можете ли ты поверить, что выпускник сельскохозяйственного техникума, имеющий диплом и аттестат зрелости, работает на стройке подобным рабочим? В Дербенте людей любят и уважают из-за денег. Есть деньги — на любую работу устроишься. А без денег... Писал в «Комсомольскую правду» — никакой пользы. Мой диплом покрывается пылью, но жаль его выкинуть, хранить как музейную реликвию...

Да, поверить в такую ситуацию трудно, тем более сейчас, когда так нужны специалисты сельского хозяйства. Что-то необычное приключилось с человеком...

И вот я в Дербенте, а домике на улице Коммунаров. Из-за стола встают и шагнут мне навстречу рослый парень с открытым взглядом и большими, наружными руками. Разговорился. Я узнал, что ты любишь литературу, историю, пишешь стихи. И, конечно, меня покорила твоя виноград. Чтобы вырастить такой куст — что там куст — виноградные деревья — необходимы и любовь и признание.

Побывав в Дербентском сельскохозяйственном техникуме. Преподаватели рассказывали, как ты учился, как работал во время студенческой практики в Белгородском совхозе. Хорошо работал! Дело, с увлечением отзвываясь о тебе и строясь, с которыми ты сейчас возводишь дом на улице Ленина. Так почему же ты написал такие унылые строки, Исая, будто только за деньги люди любят и уважают друг друга?

— После окончания техникума ты, Исая, был направлен на работу в Кабардино-Балкарскую АССР, в колхоз «Вторая пятилетка». По дороге несколько раз доставал на кармена бумагу с печатью: «Направляется агроном И. Ю.

Хизгиев...». Агроном! Сбылось то, к чему готовился ты в техникуме, о чем мечтал...

Председателя колхоза А. Мамрешева в правлении не оказалось. Он пришел лишь поздно вечером, уставший, сердитый. Сказал, отдавая лоза в сторону:

— Зря толпал сапоги... Агроном в колхозе не нужен.

Ты не сразу понял. Как же так! Вот направление...

— Неправление направление... — сказал Мамрешев. — Мало ли что напишут. Все должности заняты. — И груной походкой зашагал к двору.

Да, жизнь встретила тебя «штурмом». А так ли уж он был силен, этот «штурм», чтобы сбить человека с курса? Не один колхоз в нашей стране, специалит работы всегда найдется. Помнишь, я пришел к тебе от секретаря райкома партии Н. Азмедова с радостной новостью: все в порядке, агрономов нужны! Ты поднял на меня взгляд, спросил коротко и настороженно:

— Нуны! А в каком колхозе?

Признайся, я даже растерялся. Чего-чего, а такой настороженности я от тебя никак не ожидал. Мне казалось, что колхоза, который писал: «Мне стыдно, что четыре года напрасно провел в техникуме, что государство зря третило на меня деньги», — обрадуется, любая возможность применить на деле свои знания, поработать по любимой специальности. И лишь после я понял, что такое письмо в «Смену» не было искренним: о главном ты умолчал. И «Комсомольскую правду» упрямую зря, без оснований. Газета обратилась с твоей жалобой в Министерство сельского хозяйства РСФСР, и через несколько дней тебе представили работу в Дегестане, в колхозе имени XVIII партсъезда, Табасаранского района.

А что было дальше? Помнишь?

Проובהв месяц, ты пришел в правление и заявил:

— Ваши трудящие меня не устраивают. Платите по твердой ставке, деньгами.

Присел ты немногo. И все-таки правление не могло удовлетворить тогда твоей просьбы. Ведь колхозный достаток — как пчелиные соты: чем трудолобивее выдала пчела, тем больше меда. Выдохнуть ты хотел взять на общий карман, ничего не успев туда положить.

Сельские комсомольцы поверили в тебя, избрав накануне комсоргом, свонд вожаком. А ты обманул их доверие, «хлопнул дверью», ушел из колхоза.

Вот о чем умолчал ты в письме, Исая Хизгиев. И это заставило меня взглянуть на тебя по-иному.

Вспомнило стихи двадцатичетырехлетнего зоотехника и поэта Сергея Чекирева:

Я знаю, я нужен египти до зареку,
Здесь идут палитки года.
И если я пошел сейчас и загалу,
Что же со степью будет тогда?
Но нет, пожалуй, это неверно,
Я, пожалуй, немного лгу,
Но все же мне промажет, наверно,
Это и без бровь мою.

«Она без меня проживет...» Думаю, и табасаранский колхоз и агронома твои прокрутят без тебя, Исая Хизгиев. А ты без них можешь? Перелистай свой дневник. «Все больше разочаровывался в своей профессии. Ты написал это в Кабардино-Балкарии, когда еще и до проработал в колхозе...»

Бывает, конечно, выбежит молодой человек профессию непременно, успех, а потом поработает немного и разочаровывается в ней. Самая, казалось бы, привлекательная специальность для него вдруг оказывается так случившейся и с тобой, Исая, хотя ты не хочешь признаться, что решение посвятить свою жизнь агроному пришло к тебе случайно. Происходит это потому, что у любой профессии есть две стороны. Одна — niceview, маршала. Другая — будничная, которая состоит из ежедневного преодоления трудностей. Я, например, десять лет проработал в школе и знаю: труд учителя — это не только замаранный твоим раскраском класс, но только радость от того, что ты формируешь людские характеры. Это и стоишь тетрадей, за которыми допущены не разогнанные спины, и трудные дети, такие, что порой хочешь бросить классный журнал и уйти, не возвращаться: легче камни вращать...

Но сознание, что ты необходим людям именно здесь, на этом месте, и помогает бороться с этими трудностями.

Был у меня фронтовой друг Коля Круглов. А пришлось идти не в институт — на войну. С фронта Исая пришел в колхозное село с пустыми руками: оторвала руку фашистская яма. Николай решил отложить поступление в институт: вот поправится в колхозе дела, тогда... Стал работать на бригадиром, новым замом — niceview по агролинии. А через год бригада Круглова собрала лучший в районе урожай.

Как-то мы встретились. Невысокий, широкоплечий, он показался мне помолодевшим. Я пошутил:

— Тебя и годы не берут...

— Нельзя стариться, по положению нельзя: студент я... серьезно сказал Николай.

— В энергетической...

— В сельскохозяйственной академии. Прикипел к селу...

А ведь в тот трудный послевоенный год он, фронтовик, инвалид, мог уйти из колхоза, поступить в институт. Круглов решил по-другому: важно не где мне легче, а где я полезнее. И теперь нет для него дорожки, роднее профессии, чем агроном.

А ты разочаровался в своей профессии. Разочаровался, вышел авансом. Полно, можно ли разочароваться в том, чего, как говорится, и акуса-то не успел ощутить! Просто ты испугался трудностей, спавсал!

Мы сидим за столом, друг против друга, и ведем разговор, для обоих нелегкий. Ты повторяешь — в который раз, — что когда-то мечтал о подвиге, а вот-де как оно получается в жизни... И отводишь глаза. Завершая, что и ты бы подвиг табасаранского колхоза, исправить его дела...

— Исая. Давай разберемся. Мечтал о подвиге? Хороший! Но кто же помешал тебе его совершить? Ведь дорога и подвигу лежала перед тобой. Знаешь, где она начиналась? В табасаранском колхозе. Там иконы были твои знания, твои сильные руки. Там и нужен был ты, агроном Хизгиев. Но ты не пошел по этой дороге, ты не подвиг совершил — не поднал, мог бы совершить подвиг — не совершил. Другие трудились, чтобы вывести колхоз на отстоящие, трудовые подвиги совершали другие. Ты же попросту обокрал сам себя, умилил в сторону.

А что дальше, Исая? Как думаешь ты жить дальше?

Ты минуту молчишь, перебирая на столе ступку тетрадей.

— Вот, какждй день занимаюсь. Буду сдавать в юридический институт.

— Агрном — в юридический? Зачем?

Хочу бороться с несправдливостью, которая еще существует. Конечно, с несправдливостью надо, обязательно надо бороться. Но разве для этого необходимо быть прокурором? Если только юристы будут воевать за правду, а все остальные отсиживаются в хате с краю, мало от такой «борьбы» будет проку. А насколько я смог узнать, ты, Исая, борешься не любишь...

И о какой «несправдливости» ты говоришь? Не получишь работы по специальности в Кабардино-Балкарин? Но тебя тут же направили в табасаранский колхоз. Небогатым был трудоден? Но что ты, агрном, сдалая для колхоза, чтобы он был богаче? И почему там, в колхозе, ты не борешься с несправдливостью, если видел, что хозяйство ведется неверно, что вещи его можно лучше, целесообразнее?

Тебе нечего ответить, но ты все-таки пробуждаться наступаешь.

— Многие бригады дербентских колхозов не имеют образования, в агрномы работают не по специальности. Разве это справедливо? — возмущаются ты. И снова заводящий речь о том, что, если есть деньги, на любую работу устроишься. Все, дескать, можно купить...

— Давай, Исая, по порядку... Не все бригады имеют образование. Верно. Но ведь это — временное явление. Положение изменят-

ся на глазах. Городской комитет ВЛКСМ создал штаб по расстановке специалистов сельского хозяйства, горком партин и территориальное управление объявил бригадерам учиться. Кто не учится, того заменят... Теперь о твоём утверждении, что все будто бы продается и покупается. У тебя факты, доказательства есть? Нет. А у меня есть совсем иные факты. Ты серее болел, Исая. Проволял больше года в больнице. Профессор М. М. Маскудов сделал тебе две операции, вылепил. Сколько заплатил ты профессору? Сколько «дал» в больницу, чтобы получить диплом агрнома? Ни копейки. Нет, не все покупается, и деньги у нас не могут авозвысить или унизить, как ты выражаешься. Возвышают или унижают себя сам человек — собственными поступками, отношением к труду, к людям, к жизни.

И не слишком ли часто ты повторяешь: несправдливость, «обидает!» Чем ты обижен? Имеешь образование, работу, квартиру. Твой брат учится в институте, получил образование, сыскал работу, а ты чтор напередый пост Сулейман Ставский писал о твоём родном Дегестане: «Иные наши народы только после революции вышли в люди, до этого были злым, забрызганным слезами пасыками. Целые народы в чужоте, в нищете! Вот это несправдливость. От нее сегодня и следа не осталось.

Известно, что в капиталистических странах инженеры, агрномы, учителя, юристы берутся за любую некалифицированную работу, чтобы не умереть с голоду. А ты стал разнорабочим не потому, что не мог устроиться по специальности, ты не хочешь быть агрномом, а потому, только в силу того, Боготом колхоза.

А кто же будет работать в слабых колхозах? Кто им поможет подняться, стать сильным!

Затем государство тебя и учило и тратило на тебя деньги, чтобы ты был там, где нужнее, не передним краем борбы за изобилие.

Так сколько же стоит твою празднование в жизни, Исая? Твои грехи же виноват, что твой диплом покрывается песнейю! Сам виноват.

В колхозе имени Ленина, близ Дербента, я познакомился с комсомольцем Нариманом Шахмардановым. Он заканчивает сельскохоззвистый институт, а работает пока рядовым колхозником. И я навольно подумал: если бы в колхозе существовала одна-только одна — вакантная должность и на нее было бы два претендента: ты и Нариман, — а мне пришлось бы решать, кому из вас отдать предпочтение, кто будет колхозом полезнее...

Я выбрал бы Наримана. Почему? За свои двадцать четыре года ты выросли только один виноградный куст — у собственного крыльца: Нариман — много, не считаешь. И не у крыльца, не для себя, а для аска тебя, для меня, для моих детей, для твоих будущих детей, Исая. «В нашем обществе», — написал ты в редакцию, — человека должны ценить прежде всего по труду, по делам и поступкам, в которых проявляются его духовная расота, благородство, высокое человеческое достоинство». Правильно! Вот поэтому я и выбрал бы Шахмарданова.

А тебе, написавшему эти правильные слова, мадо скорее понять, что сходств в разномыслии — дело нехитрое, бесполозное. Вот жить так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, — как раз то, что нужно тебе. И мне хочется, Исая Хасиянов, очень хочется, чтобы ты догнал Наримана, чтобы не повторил допущенных однажды ошибок. Тебе это под смку.

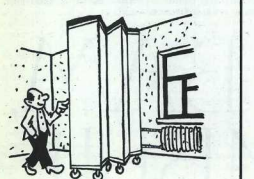
ОБЪЕКТЫ ИНТЕРЕСА ИЛИ ПРЯТКИ ИНТЕРЕСНО!

СТЕНЫ НА КОЛЕГАХ

Все в этом доме, как в сказке. Стены пердегаются по желанию владельцев. Сюрью замечательных возможностей обидаются гости — можно на время увеличить гостиную. По надобности сделать кабинет — понамушта.

На языке строителей такая квартира называется квартирами с гибкой планировкой. Роль стен исполняют шкафы — перегородки с открытыми застекленными полками, отделанными для плавья, белым и даже с огнотндыми ствольнами. Такую стену можно разобрать, сложить заново или просто перевернуть.

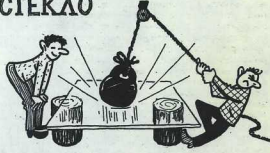
Постройка квартир со шкафными перегородками обходится значительно дешевле обычной. Рассчитаны они на одну семью. Обуродуются в домах заводского изготовления. Это дома недалекого будущего. В ближайшее время их строительство начнется в Москве, Челябинске, Кемерово.

Футбольный мяч с силой ударился в окно... Но за этим не последовало ни звука разбитого стекла, ни толпота ног ударающих мальчишек. Ребята спойноно продолжали игру, что это? Но маленького футболиста! Нет. Хотя мы несколько опережаем события и пока тачна стена еще не встала в окна домов, но они уже есть, существуют. Их получили в Московском институте. Новое стекло прослужит по меньшей мере в 20 раз. Секрет довольно прост. Обладателям, поверхность обычного стекла, которую мы считаем такой гладкой и чистой на самом деле обладает дефектными слоями — трещинками и царапинами, углубляющимися в стекло на 20—40 микрон. Ученые решили уничтожить дефектный слой, погружив стекло в специальный раствор нислителя.

В лаборатории института нам демонстрируют чудесные ка-

ЧУДО-СТЕКЛО

чества нового стекла: заправляют в специальную ванну и с высоты трех метров сбрасывают на него тинельный металлический шарик. Шарик подпрыгивает, как мячик. На стекле никаких повреждений, и менее удивительная и термостойкость нового стекла. Если

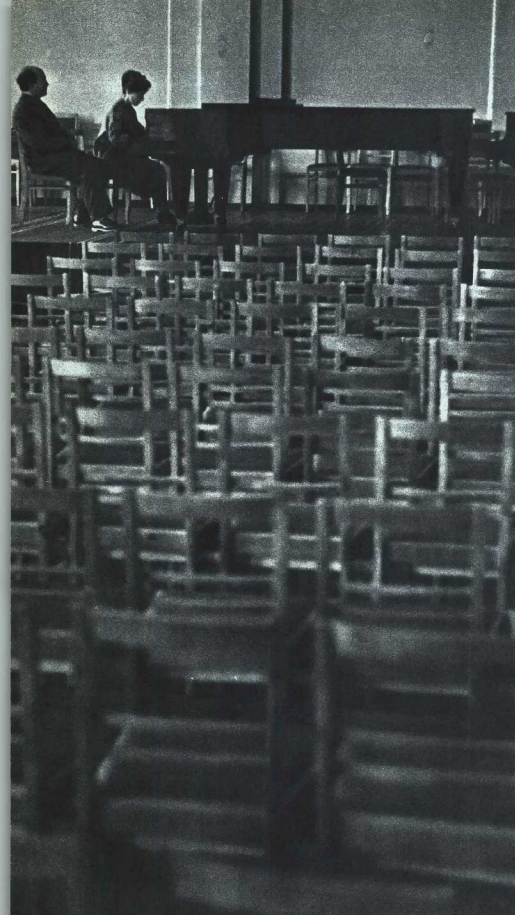
обычное стекло попороть на полметра на газовой горелке, оно лопнет через 20 секунд, а это можно греть до полчаса. Это одно достоинство — новое стекло — водостойнавающее. Капли воды быстро ссыхают, по нему, не оставляя ни малейших следов.

Полярное сияние на... экваторе

Еще недавно такое утверждение восприняли бы как шутку. Однако геофизики доказали, что такое явление — непереложный факт. Так это они установили, что полярное сияние имеет не зеленый, а красный цвет.

Почему же никто никогда не видел красного полярного сияния на экваторе? А потому, что длина его световой волны — 6300 ангстрем — не воспринимается нашим глазом. Зато специальные приборы не только увидели, но и определили размеры сияния... Они поразительны. Толщина дуги — 300 километров. Сияние простирается на 700 километров по широте и на многие тысячи по долоте.

Ф уату едва исполнилось шестнадцать. Он невысокого роста, у него круглое, совсем мальчишеское лицо в ярких глазах — озорная усмешка. Он смотрит на нас и спрашивает: — Что же вам прощется?

— Прочти, Фуат, стихи.

— Хорошо. Только я буду читать по-башкирски.

Лицо мальчика преобразилось. Тает озорная усмешка, чуть хмурятся темные брови, а сам он, как всегда, становится и строеннее и выше. Он начинает читать стихи — и голос его звучит твердо, обречен неизменной силе. Мы слушаем немолку, напевную речь и упавшим одно только, несколько раз повторенное слово: Ленин.

Фуат читает стихи о Ленине. Так и хочется сказать: «Молодец, Фуат!», — но мы уже захвачены новым ритмом — четким и строгим: мальчик читает стихи Давалдина. А потом, улыбувшись, говорит, что если не будет вознагражден, то он прочтет отрывок из спектакля «Иноблага — Дев, друта». И снова в глазах его вспыхивают задорные огоньки, потому что сейчас он читает роль мальчика Тимур — свою роль...

— Откуда ты приехал в училище, Фуат?

— Из Ново-Окуневи.

— Это село?

— Да. У меня там мать и отец. Отец — тракторист.

— Ты доволен, Фуат?

— Конечно. Тут я успеваю учиться, в селе говорил: «Ты счастливейший».

— Ты и в самом деле счастливый, Фуат.

— Как все...

Так началось наше знакомство с юными артистами, музыкантами, певцами, художниками, танцовщиками — воспитанниками Уфимского училища искусств. Сентябрь — начало учебы. Заночили свои осенние концерты агитбригады, побывавшие в самых отдаленных селах, на полевых станах и фермах. Распорядились (надолго ли?) с новыми друзьями старшеники, проходившие практику на заводах, стройках, нефтехимзаводах, в клубках и во дворцах культуры. Воартистическая бригада учащихся с новыми курсов. Из распахнутых окон старинной обители, где разместились аудитории учащихся, с утра до вечера доносится то мощная афористическая оратория, то разрозненные, далекие поха от симфонической стройности, звуки скрипки, виолончели, трубы...

Мы прощались по этажам училища, агитлиги

в аудитории и классы. Вот, как бы отделившись от мира, играли скрипках два мальчика, два брата. Впереди — Саша Иванштейн. Оба они перешли на второй курс. Саша Бугаев был стаж у них весьма солидный: оба малюго по нескольку лет! И с первых минут трудно сказать, чья игра отдаст предпочтение — чья, но все же все же, как вобщем неизменно оказывается, чем отличаетеся Володя от Саша: оба они имеют роста, оба одеты спортивные куртки и оба — как две капли воды, — одинаковы.

В соседней комнате, заставленной мольбертами, слепками, моделями, работают молодые художники. Одно мольбертов стоит Риф Гареев. Много занята на бумагу акварель, и постепенно, наполняясь деталями, натяные по-являются брошенные на стул мусор пестрой ткани, хрустальная ваза, шпатель. Риф прошил вазе несколько дырочек. Работал без родителей, рос и воспитывался в семье. И сколько помнит себя, всегда из его маршмалов торчали зашипы, а когда давал силу в трубочку дышал, рисовал на бумагу бумажки...

В другой комнате на втором этаже занимается с преподавателем Райна Байрамов. У него красивого тембра голос. Сейчас снова и снова варьировать гаммы, осваивая язык музыкальной грамоты, сполно и не было вовсе трехлетней практики в школьном хоре. Что же, в училище все начинается с азов: тут пропевают, глубоко, прочные знания.

Исторю верно заметил, что у нас отыскать удивительная даже тому, что должно потрещать. А потрещать может многое — му, хотя бы такой простой факт, как образование. Лег сорок назад большинство коренного населения Башкирии было неграмотными. Какое там училище искусства, если и в общаую школу из тысячи детей ходило не больше десятка! А сейчас? Тысячи и тысячи школ, техникумов, институтов. Учатся все: и стел и млад, и в городах и в селах...

Уфимское училище искусства — пожалуй, самое молодое учебное заведение в республике. Но о нем уже знают во всей Башкирии. И отсюда направляют сюда талантливых детвору. Талант — это главное, что требуется для поступления в училище. Там работают педагоги, такие, как Таисия Ивановна Жоглева, Ева Павловна Сеферинова, Анатолий Соломонович Южанин и др. Фуат и Юбилей Ахметшин, помогут ребятам в пользу силу проявить все свои способности, прежде всего способности к музыке,

До контрольной работы — десять минут. А надо еще повторить столько упражнений!

УСПЕХА СЧАСТЬЯ

танцу, изобразительному и театральному искусству.

«Совершенно случай- ные события, где совмести- лось училище, располо- жившись на углу улицы Пушкина и улицы Ляв- на. Но с какой удиви- тельной силой сплелись в этом глубокому симво- личности Искусство — и Пушкин, великий рус- ский поэт, рождением нашей новой литературы, чье творчество спо- собствовало и музыке, и живописи, и театру Ис- кусство — и Ленин, осно- ватель Советского госу- дарства, наш поэт и учитель, принесший нам свет новой жизни, начер- тивший прекрасные сло- ва».

«Искусство принадле- жит народу. Оно должно уходить своими глубо- чайшими корнями в са- мую толщу широких тру- дящихся масс. Оно долж- но быть понятно всем массам и любимо ими. Оно должно объединять чувства, мысли и волю этих масс, поднимать их».

Трудно заглядывать в будущее. Оно отделено от сегодняшних дней дол- гими годами учебы, и ве- лико предсказывать, кем стану через пять или десять лет Фуат Ахме- тов сын тракториста, или Ринд Гареев, отец кото- рого пал смертью храб-

Фуат Ахметов читает стихи...

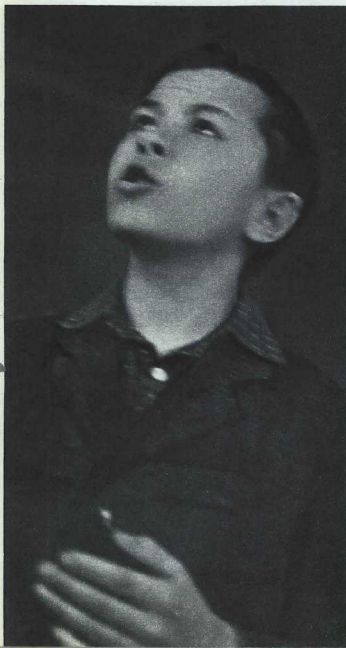
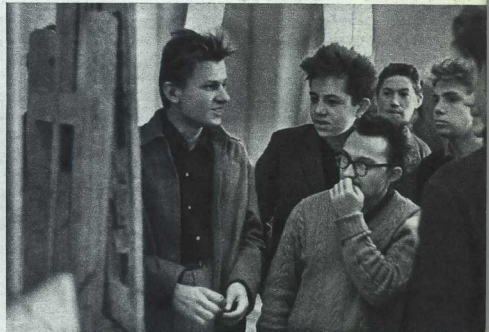
Талант — это труд. Володя и Саша не жалеют труда, чтобы в совершенстве овладеть нелегким мастерством скрипача.

рых в годы войны, или сотни других воспитани- ков училища. Многие в их судьбе решат упор- ство, настойчивость, труд. Но нем бы ни стали они — мастерами сцены, большими художниками, выдающимися музыкан- тами или респектабле педагогами, — они всегда бу- дут делать добро, свет- лое дело: нести в народ яркий свет прекрасного, чтобы принадлежавшее народным массам иску- ство стало еще более по- нятно им и любимо ими...

Н. ВАСИЛЬЕВ.

Фото В. МИШИНА.

У молодых художников каждая новая работа товарища — тема для горячих дискуссий.

Анатолий РОМОВ

СЛЕД ОБРЫВАЕТСЯ У МОРЯ

История, рассказанная офицером пограничных войск

[Окончание. Начало см. «Смену» №№ 15, 16]

Враг уходит

Где-то в темноте сбрынула собака. Андрис вздрогнул. Ну и нервный!

Хватит! Последнюю ночь он в этом городе. Больше тянуть нельзя. Нельзя кружить по пригородам, ночью где поплаво. Все ну есть конец. Завтра решающая попытка. А пока нужно найти ночлег. На одну ночь.

Минуя дома уснувшего поселка, он вышел на дорогу. Пройдя метров пятьсот, за кустарником увидел то, что искал,—длинный низкий забор. Постоял около высоких молчаливых ворот, на которых четко белели буквы. Он вглядывался, крико усмехнулся. «Добро пожаловать!» Бросил сигарету в снег, одним махом перескочил через забор, быстро пошел по запертой дорожке. Сидя центральной даче были заключены, двор закрыт. Несколько минут он пытался сорвать замок. Потом, махнув рукой, выломал замок, выбил окно.

Долго лежал на сложенных в углу матрацах, курил, глядя в

потолок. Слушал, как трещит затопленная печка. Тепло клонило ко сну.

Четыре раза он пытался выйти в нейтральные воды. И каждый раз теплая неудача: пограничники зорко следили за морем.

Но нет, он не собирается оставаться здесь. Он уйдет. Как угодно, но уйдет. Путь остается прежним—морю. А способы могут быть любыми.

— Стасик, а Стасик!
— Ну чего тебе?
— Посмотри, а в нашем лагере свет!

— Не болтай языком! Свет, свет! Где!

— А вон-он.— Восмиллетия Анечка взяла братишку за плечо, повернула туда, где темнели входы строения пионерского лагеря. И точно, один из окон слабо светился.

— А ну, пошли домой!— сердито сказал Стасик.

— Стасик, а откуда там свет? А вдруг это бандиты? Стасик, я боюсь.

Но Стасик ей не ответил. Он топтался домой.

Утром в местное отделение милиции позвонил:
— В лагере кто-то ночевал. Дети видели свет.

— Это то,—убежденно сказал Свиридов.—Я лично осматривал дачу, матрацы, на которых он лежал, пепел от сигарет, следы... Печка была еще горячая.

— Значит, ночевать уже негде,—проронил полковник Силаев.

— Негде-то негде, но видите, опять ушел...

— Ушел, да,—сказал Силаев.—А все-таки если он до сих пор вертится здесь, значит, не выходит у него с переходом. Путь только один—морем. Вот он и кружит вокруг моря. А море закрыто.

Он замолчал, и в комнате стало тихо. Свиридов как-то странно смотрел в окно.

— О чем вы думаете?—внезапно спросил Силаев.

— Я думаю,—помолчал, тихо сказал Свиридов,—что, если... он уже перешел границу!

Крикнув, Силаев полез за сигаретой, нервно закурив.

Под водой

— Посмотрите, какой закат!

Две женщины на пустынном морском берегу остановились.

— Да,—задумчиво сказала Нина Васильевна.—Сколько ни хожу я здесь, и каждый раз не устаю любоваться. Красиво до удивления...

Длинное гулкое морское побережье, влажные камни, розово-желтый закат.

Обе они — и Нина Васильевна Соловьева, жена начальника погранзаставы, и ее подруга, Анна Сергеевна Зибликова, жительница поселка,—любят этот уголок побережья, часто бывали здесь.

— Пора идти.—Нина Васильевна с сожалением отворачивалась от моря и ядру удивленно вскрикнула:—Что это с вами!

— Смотрите!—Анна Сергеевна свалила подругу за плечо, как-то странно, испуганно глядя туда, на море. Нина Васильевна мгновенно обернулась. То, что она увидела, заставило ее вскрикнуть.

Там, появившись из-за больших камней, входил в воду водолаз.

На минуту он замаялся и, опершись о камень, обернулся, несколько секунд смотрел на женщин, а затем исчез под водой.

Начиная слова, женщины инстинктивно застывали.

Дежурный по заставе капитан Платонов едва успевал выслушать вполголоса женщины, когда раздавался телефонный звонок. Платонов снял трубку.

— Дежурный по заставе слушает.

— Принимте сообщение.— Морским пограничным кораблем в сорок первом квадрата обнаружена цель. На запрос «свой-чужой» не отвечает. Медленно передвигается в южной территориальной водах. Недалеко от побережья. Видимо, иностранная шхуна. Из-за густого тумана обнаружение нарушителя осложняется. — Есть, принято!

Платонов повесил трубку, быстро спросил:

— Точное место, где вы видели корабль?

— Да вы ведь знаете. Букта Каменная, за маяком.

— Так,— тихо сказал Платонов.— Сорок первый квадрат.— Он снял трубку.— Беспокойся, в букте тревога. Усиленный наряд в букту Каменную.

Тут же он сообщил о водолозе в штаб.

За тоника крестиком бинокля— темнота, темнота, темнота... Сколько ни вглядывайся, ни огнями не увидишь. Но обязан вглядываться в эту темноту.

На вахте командир, я и Баландин. Мы трое непрерывно осматриваем море. Командир и я — в бинокль, Баландин — радиолокационной антенной.

Пятые сутки мы в море. Штурман. Мы несем обыкновенный дозор.

Обыкновенный дозор... А прощайте, может ли быть дозор обыкновенным! Только теперь я начинаю понимать: сколько бы ни было дозоров, сколько бы ни предосторожно в будущем, каждый дозор будет для меня необыкновенным. Это трудно объяснить. Но это так.

Сколько раз уже мы выходили в море и искали, искали, искали... Пусть ничего не находили, но все же искали. Поиск — это всегда необыкновенная вещь. А пограничная служба — непрерывный поиск.

Я спускаю вина, в теплую штурманскую рубку. Уютно светит лампа в углу, Баландин сидит, прильнув к экрану локатора. Багабос над столом — надо навести на карту продвинутый отрезок пути, проложить курс.

Товарищ лейтенант,— вдруг негромко говорит Баландин,— вижу цель.

Я резко поворачиваюсь к нему. — Вижу цель,— упрямо повторяет Баландин,— Цель маяк, слева тридцать, дистанция — сорок кабельтовых.

— Товарищ капитан третьего ранга! — Я в два шага оказываюсь на мостике.— Цель! Слева тридцать, дистанция — сорок... Идет в наших водах.

— Курс! — не оборачиваясь, быстро спрашивает командир.

— Триста пятьдесят.

— Пишите в журнал: приняли решение идти к цели. Срочно

определите нашу скорость и скорость цели.

Спешу вниз. Приказываю Баландину дать пеленг и дистанцию до цели. Он быстро вращает ручку разрезки.

Теперь я должен определить скорость цели. Как быстро она идет? Нахожу на карту свое место, пеленг цели, жду три минуты и снова нахожу свое место, новый пеленг цели... Быстро высчитываю. Есть! Цель движется со скоростью около семи узлов.

Выбегаю на мостик, докладываю. Что это за командир?! Проклятие!

На море наваливается густой туман. Он обдувает все вокруг. Он закрывает даже темноту. Мы медленно, нехота спускаемся в штурманскую рубку. Теперь стоим на мостике беспомощно.

По очереди прикладываемся к газу локатора. Идут томительные минуты.

— Остановилась! Цель остановилась! — вдруг быстро говорит Баландин.

— Остановилась? Почему? Что это? Маневр? Хитрость? Или какая-то неизвестная причина? — Теперь вся надежда на локатор. Баландин, прилеп и резной прощелки экрана, напряженно следит за целью. Внезапно он начинает нервно крутить ручку разрезки. Что случилось?

— Цель пропала!

— Малый ход! — говорит командир.

принятому локатор не может поймать цель. Неужели ушла?

Встают самые различные предположения. А вдруг это подводная лодка? Может быть, она погрузилась и ушла под водой!

— Силуз! — вдруг тихо говорит один из сигнальщиков, стоящий рядом со мной.

Но сколько я ни вглядываюсь, я не могу различить ничего, кроме серой стены тумана. Может быть, сигнальщик показалось?

— Вижу силуз! — подтверждают второй сигнальщик.

Теперь и я вижу еле различимый, почти слившийся с туманом силуз небольшой шхуны.

— Говорить шепотом! — быстро бросает командир.— Штурман, определите место, быстро! Приготовьтесь к высадке — пойдете с осмотровой группой!

— Есть!

Осторожно, стараясь не шуметь, спускаюсь вниз. Пытаюсь привести в порядок мысли. Мне — первый раз в жизни — быть командиром осмотровой группы!

Но сначала я должен определить точное местонахождение шхуны и нанести его на особую карту. Я должен передать эту карту экипажу судна-нарушителя как счет, и нарушитель должен поставить на карте свою подпись, признать, что он нарушил нашу границу, забрался в чужой дом.

Готово. Место отмечено. И тут же по внутренним громкоговорителям прозвучала команда: «Ос-

тостелеты, номы, карманные фонари, индивидуальные пакеты. Шестериков берет ракетницу, сигнальные флажки. Все четверо сияют на меня.

И вдруг — вспоминаю — инструктор. Я обязан реконструировать группу. Странно: говоря спокойней, попутно припоминая себе различные теоретические вопросы, проводил со мной командир.

— Туман, будьте осторожны! — Я поочередно смотрю в глаза каждому. Это трудно, но только сейчас я понимаю, что такое будет командиром осмотровой группы.

— Что мне еще сказать? И вдруг проносится: а ты! Сами себя не реконструировали? А, какая ерунда лезет в голову! Неужели ты растерялся, лейтенант Мичевский? Вдруг из шхуны какое-то посторонних мыслей выплывает слово командира: «Главное при высадке — психологически ошеломить нарушителя, не дать ему опомниться!»

— Наверси!

Мы выбегаем на палубу, строимся у борта. Вот она, шхуна, совсем близко. Мы подходим к ней совершенно неожиданно. Молодец, ой, какой молодец командир, подвел нас к самому борту! Так и есть: на шхуне даже не заметили нашего приближения, не услышали ни звука!

— Пошел! — быстро говорю я, и мы разом пригваем на палубу шхуны. Вспросы к ходовой рубке. Человек за штурвалом показывает мне ладонь: мол, оружия нет.

— Капитан? Капитан! Мавэт? — говорю я.

— Я... — Человек кивает головой.

Я оборачиваюсь. Два человека у люка в кубрик растерянно смотрят на меня.

— Команду — в кубрик! — приказываю я. Тоцкий и Шестериков делают шаг вперед, и двое исчезают в люке. Тем временем Холод и Тарасов спускаются в машинное отделение.

Я снова поворачиваюсь к капитану. Отдаю под козырек — этого требуют международные нормы — и говорю:

— Я офицер пограничных войск СССР! Национальность судна, цель плавания!

Тот, кто назвал себя капитаном, пожимает плечами:

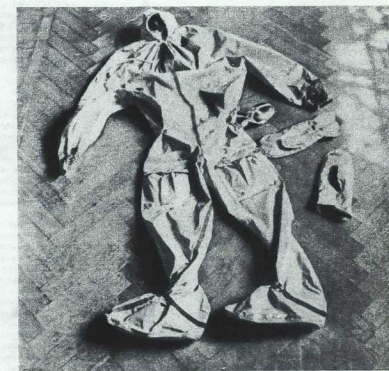
— Найд, найн... — Найд, найн... — потерянно опустив глаза, твердит капитан.

Меня берет зло. Я растягиваю сумку, достаю карту, передаю капитану.

— Подписывай! А ну, подписывай!

Видимо, что-то в моем голосе испугало капитана. Он вздрагивает. Послушно берет протянутую сумку. Я незаметно оглядываю его. Молодой парень лет двадцати семи. Шетина на щеках. Школьный свисток. Серые, спрятанные куда-то завороты глаз.

— Найн! — знаешь, понима, что я от него требую, говорю он, вглядываясь в карту.— Найн, найн! Хир... — Его пальцы показывают место в нейтральных водах. Я быстро оглядываю губы. Есть! Вот она, раскрывает прокладочная карта. Поймай мой взгляд, капитан растерянно отворачивается:

Водолозный костюм, которым пытались воспользоваться нарушитель при переходе границы, отобран при задержании.

Наверху, на мостике, ничего не видно уже в нескольких метрах. Серая мгла закрыла корму, но... — Придется идти на одной мачте! — говорит Алексей Дмитриевич.

Мы осторожно пробиремся в тумане. Наши огни погашены. Тишина. Слышен только ровный плеск волн.

Проходит час, второй. Мы продолжим кружить в тумане. По-

моторной группе приготовиться к построению!

Я моментально ныряю в свою каюту. Пытаюсь представить себе, что происходит наверху. Наверное, мы уже подплываем к шхуне!

Один за другим подходят матросы осмотровой группы: рулевой Тарасов, сигнальщик Шестериков, гавестаршина Холод, матрос Тоцкий. Торопясь, выдают им

проморгал... Я беру карту. Проверяю курс здесь, оказывается точно на линии нашей госграницы. — А ну, гляди! Гляди! — кричу я.

Капитан поднимает голову вверх. Что это с ним? Махает рукой: ветер, ветер! Его дуло ветром...

— Наверх смотришь? Нет, сюда смотри! Поняв, что дальше отгираться бессмысленно, он подписывает свес клеветою.

И только спустившись в каютенную каюту, я узнаю истинное лицо «сдутого ветром». Вдоль стен сверкает никелем самая совершенная аппаратура, среди которой и новинная навигационная система «Девил», позволяющая определять место судна с точностью до девианты метров!

— Медленно и аккуратно выдвигаю вперед на волне нос шхуны. Угромы, приказы капитан стоит за рулем, медленно жуя являчку. Рядом с ним я и Тарасов. Чуть вперед, прикрывая завесой тумана, маячит корабль. Мы ведем нарушителя в порт.

Вот и ворота в гавань, причал. Нас уже ждут. На пирсе стоит группа пограничников и капитан Савридов. Неужели есть связь между задержкой шхуны и делом, которым занимается Савридов?

Подаю трап. Нарушители спускают по нему, опустив головы. Мы здороваемся с офицерами, стоящими на берегу, обмениваемся несколькими словами.

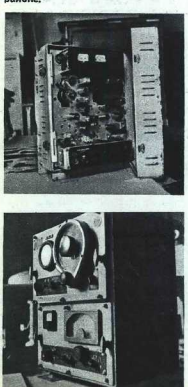
— Вы слышали о водолазе? — говорит кто-то.

— О водолазе? Нет... Ничего не знаем, — говорит командир.

Ищите в квадрате X

Прошло несколько дней, прежде чем я снова встретился с подполковником Марьянчиком. И вот — это было в один из заходов в X после очередного патрулирования у границы — я сижу у него в кабинете. Михаил Борисович спрашивает меня о жизни, о службе в части, интересуется мо-

Эта рационализационная аппаратура была установлена на иностранной шхуне, нарушившей морскую границу СССР в Н-ином районе.

ими успехами. Уже в конце шаге-го разговора внезапно звонит телефон.

— Слушаю. Да. Так... коротко бросает в трубку подполковник. Потом, окончив разговор, некоторое время смеется. — Ну, что ж, Володь, — вдруг улыбувшись, говорит он, — могу тебя поздравить. Поминишь того гада, что хотел перейти границу? Враг еще бы я не помнил! — Конечно! — вырывается у меня.

— Так вот, ано сейчас сообщили, что он задержан.

— Задержан! — Да. Пытался он уйти и морем и под морем, но ничего у него не вышло. Как ни пытал он, как ни хитрил, а пройди границу не смог...

Михаил Борисович ободрающе кивает мне и встает.

— Счастливо! До свидания, Володь!

— До свидания. Я выхожу в коридор. Иду по улице.

Значит, все кончено. Враг задержан! У меня будто гора с плеч свалилась. Все! Все! Стоп, Владимир Минкевич! Что значит все кончено? Ничего не кончено. Это ведь граница. Граница, пойми...

Разве дело в нем, в этом гаде? Как бы ни был он мелок, за ним и его поимкой кроется нечто большее, чем просто задержание нарушителя. Несколько дней он крутил по побережью, и не прощала все способы... И не прощала.

По нашим данным, в двенадцатимильной зоне, ходит много больших судов, воздушных грузов во все части света. Это друзья. По нашим данным ходят рыбопромысловые колхозные шхуны, спортивные яхты и швертботы. Это тоже друзья. Но не пройди сквозь эти воды враг, как бы ни был он хитер и изворотлив. И отведен за это пограничники. Они охраняют наше море и землю. Охраняют города и улицы. Охраняют каждое дерево на тротуаре и каждого ребенка. Охраняют дождь в Удельной...

...Мостик. Влажный от тумана ледер. Быстро уходит назад причалы порта, маяки, краны. Мы выходим в море. В обыкновенный дозор. Вернее, в необыкновенный дозор.

На корабле у всех хорошеет настроение. Несколько недель назад было получено сообщение: за высокую бдительность, находчивость и мастерство, проявленные офицерами и матросами при задержании особо важного нарушителя границы, командование округа выносит нам благодарность.

А для меня эти дни принесли еще много нового. Для меня они вдобавок радости. Во-первых, моя боевая часть объявлена отличной. Но самое замечательное — партийная организация части приняла меня, комиссаром Минкевичем, в кандидаты партии... Это — самое большое событие в моей жизни.

Вперед — дозор. Море знакомо мне, и все-таки я не знаю, где может быть опасность. Морские карты разбиты на квадраты, но опасность может находиться в любом из них. Она в неизвестном квадрате, в квадрате X...

Май — июль 1962 года.
Валтийское море.

О и порывисто схватил трубу, насплыл в нее густогазово-перемешанную смесь, глядя водой, аквалангом и начал подгравать. Три года он готовился к этому опыту, решал задачу о составе смеси, обдувая технику. Теперь он у цели.

Произошел взрыв, стекла в комнате и часть аппаратуры были разбиты взрывом, но человек из раската Уалла в уюности рассматривал плод своего безумного опыта — порошок, сверкающий бриллиантовыми зернами.

Уалсу, удивительному английскому мечтателю, было четырнадцать лет, когда его страна, а затем и весь мир облетела сенсационная известие: Хэниг научился делать бриллианты! Английский ученый запылет мир драгоценными камнями собственного изготовления!

Это событие аккружило голову не одному солидную делу, давшему себе слово не попадаться на удочку очередной сенсации. А подростку, страдающему недюжинным воображением, оно так пришлось по вкусу, так долго его преследовало, что через много лет заставило написать раскат о человеке, научившемся делать алмазы.

Техника эксперимента Хэнига была весьма примитивна. Он смешивал различные углеводороды с жидким маслом и затруживал эту смесь в трубу, подобную оружейному стволу. Затем заваривал отверстие трубы и подогривал ее до красного каления в течение 14 часов.

Герой Уалса, усовершенствовав эту технику, поступал приблизительно так же, но охлаждал свое варенье в течение двух лет, надеясь, что маленькие кристаллики подрастут. И когда он потушил огонь, вынул из горна цилиндр и стал его в негнущий разгививать, обжигаясь еще горячим металлом, он нашел внутри несколько мелких и три крупных алмаза.

Вот и вся разница между действительным экспериментом и выдуманным. Вся разница, если не считать, что ученым руководило стремление к покорению новых вершин науки, а героем Уалса, обманутелем, — страсть к обогащению. Кроме того, вымышленный охотник за бриллиантами скрывал свою тайну, боясь, что алмазы станут так же дешены, как уголь, а Хэниг опубликовал описание своего опыта, и каждый мог при желании их повторить.

Мог... но, странное дело, с тех пор про-

шло свыше восьмидесяти лет, а еще ни одному ученому не помогли советы Хэиня. Как Хэиней получил свои алмазы, осталась тайной. Моля говорил, что ученый сделал восемьдесят попыток, но достиг успеха лишь на восемьдесят первой: он смог продемонстрировать всему миру кучку твердых сверкающих минералов.

12 маленьких кристаллов Хэиня сохранил своему творцу ороел сына. Они были водворены как чудо в Британский музей, где и хранятся под названием «искусственные алмазы Хэиня».

И действительно, это настоящие алмазы. Тщательное исследование этих кристаллов, произведенное уже в наше время — в 1943 году при помощи рентгеновских лучей, с достоверностью подтвердило, что относятся к двенадцати кристаллов — алмазов. Но действительно ли они получены искусственным путем, доказать невозможно: алмазы Британского музея до сих пор безвольно хранят загадку своего происхождения...

Однажды в давние времена, разезжая по степной Африке и еле успевая изгнать объехавший фурун слоновой кости, которую приносили туземцы в обмен на стеклянные бусы, денежную материю и побарухши, брадочный торговец был поражен неизданным зрелищем. В одной из деревень он наткнулся на детей, беспечно играющих удивительно сверкающими прозрачными камешками. Долгий торговец сразу собрал, что детишки перебарщиваются никак не меньше, чем миллионы.

Это были первые алмазы, увиденные европейцем в Африке, алмазной оковривнице, которая впоследствии начала поставлять на мировой рынок свыше 90 процентов драгоценных камней. Это были первые предтеки новых бед, которые ушли в дальнейшие страны «бриллиантовой» Африки. Сюда на поиски счастья потянулись авантюристы, заблудившие алмазную горячку, которая была срочна золотой, охватывшей Калифорнию, Клондайк, Австралию.

Продать же себе, как должна была ошеломить охотников за бриллиантами идея о получении Хэинем искусственных алмазов! Новый способ добычи алмазов привлекал на свою сторону не меньше «жаждущих», чем старый. Среди них были и восторженные ученые и шарлатаны.

Изготовление драгоценных искусственных кристаллов доставило ученым годы тяжелых и мучительных раздумий, поисков, ошибок. Занятости шли трудным путем. Они тоже не раз в азучности перебарщали алмазы. Но в сиянии драгоценных камней им чудился не блеск роскоши. Их взор искал в глубине алмаза признаков совсем иного вещества, скомого с углем. Рядом со сверкающим камнем им мерещились бархатно-черные глубины ничем не примечательной материи — графита.

«Алмаз и... графит? — спросите вы. — Что между ними общего? Что может быть более противоположно, чем эти воплощения света и мрака?»

Ученые знали: как это ни парадоксально, в двух столь различных материалах скрыто глубокое единство. Алмаз и графит, несмотря на то, что один прозрачный, другой черный, один самый твердый в природе материал, другой — странно мягкий, несмотря на столь разный вид и свойства, фактически одно и то же вещество. И это вещество — всем знакомый углерод.

Да, ученые давно поняли, что и графит и алмаз природы лежат на одних и тех же атомных углерода. Они знали, что простым нагреванием нетрудно превратить алмаз в графит. Вот эта легкость и аставала многих думать о простоте обратного превращения. Но увы! Как ни нагревали графит, как ни сжимали его, алмаз из него не получалось.

Что же происходит в «подземных матерских» природе, где изготавливаются почти все материалы, которыми пользуется люди? Об этом можно размышлять, спорить, гадать, но проверить, естественно доказать до сих пор невозможно. И в этом парадоксе нашего времени: человек достиг Луны раньше, чем смог проникнуть в глубь Земли хотя бы на десять километров!

Однако люди научились воспроизводить процессы, происходящие на звездах, гораздо раньше, чем приблизились к ним. Ядерные реакции уже скопированы в миниатюре на Земле.

Поиск путей получения искусственных алмазов привел к попыткам создать в лабораторных условиях царские в недрах Земли, к попыткам овладеть одной из важнейших сил природы — высоким давлением.

Когда ученые заглянули в глубь вещества, сжатого высоким давлением, им откры-

ся мир удивительных превращений. На их глазах исцелись знакомые вещества и появились новые, с иными свойствами и характеристиками. Исследователи сдавили желтый фосфор — он превратился в черное вещество с новыми физическими свойствами. Сжатый лед — и оказался, что знакомым всем нам лед лишь одна из семи его разновидностей и, кроме льда холодного, существует «горячий». Давление превращало серу — согласно со свойствами полупроводника в белое — металл.

И чем выше было давление, достигнутое при исследовании, тем сильнее сжималось вещество: тем больше становилось число новых, неожиданных явлений. Просветив подопытные материалы рентгеновскими лучами, ученые мощно убедились в необъяснимой силе воздействия высокого давления. Оно способно настолько приблизить друг к другу атомы вещества, способно сдвинуть их так, что исчезнут все свободные участки между ними. При дальнейшем возрастании давления молекула превращалась в плотно сжатый комок атомов. А при давлениях в десятки и сотни миллионов атмосфер начинается переход к так называемому «равдавленному атому».

Что слышал о динозаврах «белых ридиках» — звездных сжатых силами тяготения до такой степени, что большинство атомных ядер, оголенных, освобожденных от элементарных оболочек, как бы сжимаются в один гигантский комок? Наверное, такого вещества весит столько, что его не увезет ни один локомотив.

Но ученые уверили, что и это не предел сжатия материи. Можно так спрессовать ее, что будет деформироваться даже атом атома. Ядерные частицы нейтроны и протоны, сменяя оболочки соседних частиц, адвальноются в них, ломая и переделывая их структуру. Из чужой обложки материи должны сорваться электроны, и тогда они уже вообще существуют в природе. В таком состоянии материя оголена и прижата друг к другу даже еще не изученные «ядришки» протонов и нейтронов. И наоборот: такого вещества не существует в природе, но оно всеобщее материи оголена и прижата друг к другу даже еще не изученные «ядришки» протонов и нейтронов. И наоборот: такого вещества не существует в природе, но оно всеобщее материи оголена и прижата друг к другу даже еще не изученные «ядришки» протонов и нейтронов.

Это почти «крайнее» давления, существующие в природе. Но нет ничего удивительного в том, что уже при давлениях, достижимых в лабораторных и не превышающих пока сотен тысяч атмосфер, поведение вещества не похоже на обычное.

Особенно удивило ученых поведение твердых кристаллических тел, сжатых высоким давлением. Если сжатый газ превращается в жидкость, а жидкость — в твердое тело, то как же действует высокое давление на кристаллическую решетку? — не раз алмаз себе возмущался. Просветив одно из кристаллических тел — хлористый рубидий — рентгеновскими лучами, они увидели удивительную картину. Алмаз, сжатый до такой степени, занимал каждый свое определенное место, создавая иногда принудительный узор кристаллической решетки. Даже под очень высоким давлением солидаты-атомы не разбегались, а перегруппировывались в более плотные построения.

Такую деформацию кристаллической решетки ученые увидели и у графита. Оказалось, что именно перегруппировка атомов углерода в графите в более стойкую формацию и рождает алмаз. И при этом же, что, предсказал советский ученый Лейпунский, при давлениях в несколько десятков тысяч атмосфер и температуре в несколько тысяч градусов.

Чудо современной техники позволило людям повторить эту роль природы.

Применив столь высокое давление и температуру, советские, американские и шведские ученые уже в наши дни получили искусственные алмазы. Правда, они почему-то называют их «синтетическими». И приспосабливая эту способность, зато они тверже естественных алмазов, что особенно важно для техники.

Советские ученые не остановились на этом. Получение алмазов было для них лишь од-

ной на задач. По-настоящему их волновала другая сторона той же самой «алмазной» проблемы, которая привела к гораздо более важным результатам.

Нечто многообещающее в «алмазной проблеме» советские ученые увидели еще тогда, когда финны всего мира ломали головы над труднейшей задачей: из какого материала изготовить «шпатель», который не разрывался бы от громадного внутреннего давления в десятки тысяч атмосфер? И они нашли одно на первый взгляд странное решение. Аппарат для получения такого громадного давления сделали из самых обычных материалов, зато поместили его в жидкость. Да, в жидкость, которая, в свою очередь, находилась под большим давлением. Но правда ли, удавалось?

Чтобы стена покоящегося дома не обрушилась, ее подпирают балками. Подобно этому, стени прибора как бы поддерживаются со всех сторон жидкостью, которая, как оказалось, придает его стенкам большую дополнительную прочность.

Давно уже ученых волновало то обстоятельство, что прочность существующих материалов в тысячи и десятки тысяч раз меньше, чем это следует из скорости движения рачетов. Почему же в вопросах прочности теория так сильно отличается от практики? Исследования последних лет показали, что в обычных металлах важнейший атом их кристаллической решетки сидит не на месте. Казалось бы, какой пуск! Но беда в том, что дефекты эти не остаются неподвижными. Они могут перемещаться и объединяться, образуя микротрещины, и другие существующие микротрещины структуры металла. Эти трещины под действием нагрузки разрастаются, становятся очагами разрушения. Ничтожные дефекты делают современные материалы в десятки тысяч раз более слабыми, чем они могли бы быть. Лучшие материалы, усилением конструкций платим мы за то, что не можем справиться с «нечтожными» дефектами.

И вот оказалось, что под высоким давлением жидкости в металлах происходят своеобразные уплотнения. Трещины и раковины исчезают, поры аттагиваются, разрывы сглаживаются. Более того, жидкость allevчает не только внутренние поражения металла. Она сама вытесняет повсюду трещины, что также существенно улучшает его. Этот процесс ученые назвали «самонадеживанием».

На эти обстоятельства и обратили особое внимание советские ученые. Они показали, что в улучшении свойств металлов, находящихся в жидкости, не только ключ к получению искусственных алмазов, но, что гораздо важнее, ключ ко второму рождению материалов. Они решили создать для нашей промышленности прокатные станы, целиком погруженные в жидкость, находящуюся под высоким давлением. При прокатке металлических листов на таких станах будет получен металл повышенной прочности. Это значит, что существенно расширяет возможности конструирования машин, приборов и аппаратов. При равной прочности уменьшится вес изделия, будет получена огромная экономия металла.

Опытный образец такого прокатного стана уже создан. Но советские ученые пытаются заставить воду не только обрабатывать металлически листы, но и кристаллизовать из металлов различные сверхточные детали и проволоку. При этом проволоку выдвигают через небольшое отверстие в жидкость, скатую до десяти тысяч атмосфер. Она получается пластичкой и в два-три раза прочнее, чем изготовляемая обычным способом. При помощи той же установки можно делать шестерни, трубы, сложные фасонные детали.

Как видите, науки ученые остроумно по-разному «алмазную» проблему. Они научились придавать обыкновенным материалам несвойственную им высокую прочность. И с их помощью не только получили искусственные кристаллы, но и расширили диапазон исследований при создании новых материалов, но создали новую технологю обработки металлов, что несет революцию в технику будущего.

В биографии В. Журавлева-Печорского множество интересных событий. Несколько лет он работал редактором на севере Коми АССР, на промыслово-охотничьей станции у Югорского Шара. Даже годы службы в армии прошли для В. Журавлева-Печорского на Севере. Здесь же он начал печататься — впервые в 1953 году — во флотской и комсомольской печати.

Пожалуй, событий жизни В. Журавлева-Печорского хватало бы на множество увлекательных, остро сюжетных повествований. Жизнь его с бок с людьми романтических профессий, любовь к «мудре дальних странствий» должны, казалось бы, привлечь автора к приключенческому жанру. Но В. Журавлев-Печорский пишет о самых простых вещах. А это трудно. Здесь не помогут никакие ухищрения литературной техники, нужен прежде всего талант. А он есть у автора. Можно было бы сказать и о романтике, которая живет в рассказах и стихах В. Журавлева-Печорского, и о ритме его прозы, лаконизме и точности отбора деталей, и о его, если можно так выразиться, «мускульном, отточенном к жизни, но лучше предпочтительней судить об этом читателя.

Вас ЖУРАВЛЕВ-ПЕЧОРСКИЙ

ГЕСТИ СЛОВИЦУ

Сразу же за полями увидишь гарь, заросшую сейчас редким березником. За ней в долину ручья, невысокой, но густой-густой ельник и заросли альпийского серая. Вот пробита норками широкая тропка. Когда-то давно огромная ель упала тут поперек ручья. Замыло ее, и образовался яма, а ныне — порожен, где день и ночь журчит вода.

Перейди по тропе на противоположный, круто поднимавшийся вверх берег. Увидишь спрута большой пень. Присядь. Выныс из марзана мясок, свиной раш, два, как и утки. А дальше «что? — спросишь. Не терпится узнать, что не делают Крылья зашумят, шагай в десятку от тебя сидят на ветку рябины. Помуртуй хохлатой головной, замрет на игновник, встанет шее и закатается на ольховой ветке, как мячик. А потом начнет бегать по ней.

Свиности еще раз-другой. В азарт его введи — разберется он и заведет:

— Фю-фю-фи-фи, Фюфюфюфю!
Тонкий мелодичный свист его в несколько нотов слышим далеко.
В лесу все свербитесь: ночью пал иней. Еше рябин. Не крутит ветки. Не шибает листва. Листв. Солнцу не хочется поиндять место ночлега, оно зарывнулось в тушину, как в байковое одеяло, и загуляло в них. А рябич уже запел.

Приглядись к нему. Он уме не тот, что мы видели недавно назид: оделся в более темное одеяло, в темный плащ, надуло чешото вроде пошерстия попрыллись. Это у него вместо меховых сапог, чтобы ноги не мерзли и легче по глубокому снегу ступать.

Можешь залунть. Только не напей. Он сей-

час מאוד замолчит будет слушать, как журчит вода. Я в это время обычно забываю о нем. «Снова зима, — думаю, — длинная, суровая. Еще год прошесть».

Ниче все чаще кажется, что нам отпущено слишком мало времени, что мы и с этой долей не успевем сделать из того, что хотели бы. И ты задумываешься. Небольше. Не заметишь, что иный начинает исчезать, словно его и не было. А рябичи принался и ветке, прислушался к чему-то и снова запел.

— Фю-фю-фи-фи!

И вдруг нем заверчет, словно улететь сорвался!

Сиди спокойно. Сейчас в его песне будет слышно бужанье: «У-у-у», — чешото похожие на воробья голубей, когда они слетают с нарзиков на горосские площади.

Это песня солнцу. И нем сильней становится авторизован, чем прозрачный воздух и молчаливей лес, тем веселее поет у ручья рябичи, тем дальше слышна его песня. Перед глубиним снегом он свистит шепотом диням.

Тихая, но удивительно своеобразная и низкая-низкая песня его напоминает о том, что вслед за зимой придет весна, что все будет хорошо, что холодов бояться нечего; ишь любит русская душа.

— Фю-фи-фи Фюфюфюфю! — разнесится в голубую, уже заснеженную ельницу, над которыми плывут серые тучи. Стоит услышать всего раз — и уже не забудешь...

Мы с тобой слышали песню солнцу. Но ты один сидишь на ту полноту. Один побудь там. А после рассветишь мне, Ладий! Только ружье не бери. Не надо. Песня в тебе другом месте поют; у ахнейш Оттода, слышавши, дичи стояно...

С Е В Е Р

Лишь начало дороги пройдено...
Слышу в шуму пролетающих стаёй
Чистый голос лебединый родимый,
Нескандатого солдана краёй.
И куда бы судьба ни забросила,
У каких ни сидел бы костров,
И, как ларус разбидный ослыно,
Ид, как волнами взлететь готов.

Мечты глут,
Вырывает уключины,
На ветру распускается — лодка! —
Заргустит на какой-то взуачине,
Как мальчишка от первой любви.
Стать вальской.
Дорога от холода,
Чтоб рыбак под дождем не мока...
Оба мы несказанно молодом —
Мы в начале своих дорог...

В ТУНДРЕ

Вся лобзится, как большое блюдо,
Доверу наполева морозной,
Словно просит: «Извините, люди,
Что в пути вас искусила жюлька.
Отдайте же. Лакочитесь, я рада,
Что одной из первых вас встречаю».

Мы подосаи к бладу всем отрядом,
А убавлоса чутч-чуть от края.

Поток Воды

Берега Светлой усматриваю желтой
листой берез. Дрожат, звенят, осины.
После ночного заморозка воздух прозрачен
и звонок. Со всех сторон несется рев.
Осень — пора лосиной любви.

У крутой известняковой щели остановился
я. Слышу, как где-то совсем близко плещет
два сохача. Рев приближается. Причусь под
большую раскисшую ель.

Они выскочили из леса в сотне шагов от
меня, за речной. Грохотный, тонкий по десятку
на изломе, был бился с молодыми, еще непопы-
таны, но не желющими уступить соперникам.
Пятясь и двумя выросшим над водой соснам,
старик набивал голову, подставляя рога, был
молодого передними копытами. Но копыта бы-
ли не те обломались зимой о наст. А может,
их хребта обломало?

Схватка, видать, длилась давно и вот-вот
должна кончиться. Так и есть. Принятый и со-
сам сохач поднялся на дыбы и страшным удар-
ром был отброшен назад. Закачнулся. Упал на
полюс. И тут же вздрогнула сосна, наклонил-
ся было и рено, но упала в сторону леса,
прямо на него. Старик пошевельнул губами. Он

пытался поднять голову, выпрямил ногу, но
рог вогнулся в землю. В последние минуты
ему виднелся рачка, возле которой бродил со-
суном, трубя в первый раз, где пил ледяную
воду после жарких схваток, рачка, чьим возни-
ном стал другой.

Победный рев несся над заброшенной, полу-
заросшей чащым кустарином поймой.
Молодой лоск, шатаясь, спускался и рено. То
ли опасный лист, то ли первый ледок хрустел
под ногами широких копытами. Вона тлело
вздмалнсь.

Тряхнув рогами, с которыми еще не стала
иречь, он снова радостно заревал.

Вода! Без воды, как говорят вдалеке от
нас Индик, нет любви. Она гибнет.

На край поймы вышла из леса лосиха. Обну-
сившая ветки, она напоминала о себе короткими
мычаньем. Для нее все сдвинулось и, одному:
лосенину нужно.

Сохач забав о ней. Он в бешенстве ударил
копытом о камень, фыркнул и застонав тлосно,
мучительно. Ему нужен был глоток воды, а ре-
ка от берега до берега была покрыта густой
бурой пленкой.

Откуда здесь нефть?
И только тут я заметил, что Светлая безжиз-
ненна, что на берегах ее деревья уронили лист
до поры, что на пойме уже не выстел трава, а
на перекатах не играют серебристые жаруссы.

Вспомнил. Недалеко от Белой щели, за мысом,
несколько лет назад геолог заглянули по-
исневою свалкину. Правильной нефти не
оказалось. Свалкину забросили. Был из нее
фонтаном бурная жидкость и вода, намыленная
сероводородом.

Всего одна маленькая свалкина...
Но куда делся лес? Только след копты на
изъезженном равнинной берегу, упавшая сосна,
верный сохач, над которым уже кручен ворон,
напомнили о разыгравшейся в это про-
зрачное утро драме.

Издали доносился стон молодого сохача и
ирогные вленини.

Еще раз.

Все гучнее. Глуше.

Уходит. А ворон, расправив крылья, кружит
и кружит над Светлой.

Все ниже.

Ниче.

Запомня с первого причала...

А чайка белая кричала:

— Не позабуду!

Не позабуду!

Мы вместе начинали путь.

Есть и у нас свое «бывало»,

Которое берет начало

С того соснового причала,

Где чайка белая кричала:

— Не позабуду!

Не позабуду!

Мы вместе начинали путь.
Ты с деревенского причала.
Мне целый час платком махала.
А чайка белая кричала:
— Не позабуду!
Не позабуду!

Мы вместе начинали путь.
Нам жизнь настойчиво внушала:
— Быть пассажиром — это мало,

Если ты родился в катагаре —
Полотенном доме рыбака,
Если ветер в этот час ударил,
Молнию принес вдалека,
Прошуея на вешалах сетями,
Вымыла их, почистила и унесла
За крыжю,
За тот блаженный камень,
Где вылаз алмазы, —
хорошо!

Если шторм осенней темной ночью
Забыл бросил хвост на поски,
Вас на берег вынудит не хочет,
Развется сулится на куски, —
Ты уверенно сбросишь с ямч усталость,
Смотришь — влоск, из банды шпашек,
«В жизни нашей всякое бывало», —
Скажешь после бури: —
Хорошо!

Если мне в пути придется туго,
Поплыву к тебе вдалека,
И почую рядом локоть друга,
И услышу голос земляки:
«Если ты родился в катагаре,
Если в братков-северни пошел,
Будь всегда, как говорит, в ударе».

И ответит сердце: — Хорошо!

Рисунки Г. БЕДАРЕВА.

огда заходит разговор о футболе, мысли невольно возвращаются к прошлому чемпионату мира. Чилийские батланы дали обильную пищу для размышлений, ибо для нашего футбола это был знаменитый в высшей степени подобный эфемерный имел место в истории советского футбола. Лишь однажды, четыре года назад, в Швеции. Но тогда мы выступали в роли новичков, «проказ», допущенных в подполотно чемпионату и в ходе игры оказались объектами издевательств и посягательств. Теперь же наша сборная встречала турнир знаменитый и уверенный оплотом. Требования к ней предъявлялись совсем иные — как к чемпиону, способному бороться за одно из призовых мест в чемпионате мира. Итого чилийских сражений общешественны. Они не принесли советскому футболу ни славы, ни удовлетворения. И дело не в том, что нашу сборную подвергли слушательскому критицизму. Нет, причины неудач надо искать глубже: в подготовке команды, ее комплектации и явно неграмотном распределении сил во время самого дебюта...

Начиная с того, что предшествовало чилийским событиям. Наша сборная начала подготовку к турниру в Чили сразу после окончания шведских игр. Весь цикл подготовки был разделен на несколько этапов. Первый выключал в себе состязания за Кубок Европы. Уже сам факт участия в этих соревнованиях свидетельствовал о том, что сборная выполняла стоящие перед ней задачи. Следующий этап подготовки — это сборная в рамках седьмого чемпионата мира — объединялся с целым рядом международных товарищеских встреч, цель которых состояла в том, чтобы проверить состав, по времени выбрать лучшую спортивную форму и определить наиболее способного игрока, который мог бы с успехом представлять советский спорт на международной арене. Сложней всего нам и тут работа была проведена неадап. Во-первых, выигранные все отборочные матчи и завоевана путевка в Чили. Во-вторых, использовано около пятидесяти кандидатов в сборную. Правда, несколько товарищеских поражений окончилось неприятными поразениями. Руководители сборной неслись, и пока не мог пройти безболезненно. Лучшим отбором на чемпионат мира была признана сборная — явилась ее поездка по Южной Америке.

Однако тут уже начались серьезные «но». Три победы в Южной Америке были безусловным достижением. Но вряд ли стоило ими так обольщаться. Ведь это были все-го нашего тренировочные игры. Удачная тренировка — не победа! Наших, однако, болельщики (таким, и сомнению, есть) и даже некоторые из журналистов (вместо уже совсем не к лицу болельщикам) похвалы превратили в обвинения. Футболисты буквально до небес возносили, но не без оснований. Реальный успех... Сразу же были преданы забвению все успехи и достижения, а все внимание стало сосредоточено на недостатках. И именно к этому периоду относится выступление еженедельника «Футбол» в «Спортивной журналике» «Смена». Напомним, как обстояло дело: в статье «Золотой болельщик» (№ 23 за 1967 год) «Смена», рассказывая о мировых футбольных чемпионатах, обратила внимание читателей и на ряд недостатков, которые она нашла в выступлениях сборной. Это зометер журнала вышел в свет в том же году, в Южной Америке. Статья основана на предвзвешенных оценках о сборной Польши и Австрии, с которыми нашим мастерам билась. В статье, в частности, говорилось о неполном решении проблемы обороны, недостатках в организации игры наших футболистов (Мески, Юнделера). И в итоге даже конкретные замечания вызвали резкий отклик со стороны еженедельника «Футбол» (№ 6 от февраля 1967 года). Ответ был озвучен громко и четко: «Спасибо: В защите наша сборная».

Ссылаясь на мнение любителей спорта в Пендранд и Томасе редакция «Футбола» подалась в своем выступлении на тему: «Обозначение: «Им, любителям футбола, любимую сборную. Мы

радуемся каждому ее успеху. Мы тешим первенствам все ее неудачи. Но мы решительно против критики, которая чернит наш Футбол!»

А ведь никто не чернил наш футбол! Никто не собирался напасть на сборную! Никто не ставил под сомнение необходимость участия советской команды в чилийских баталиях. Это все шло от одного неадаптации редакции «Футбола» пролететь лишней раз хвалительную оду футболистам. Жизнь подтвердила справедливость замечаний, сделанных «Сменой» в прошлом году.

Маль, что только теперь — уже после чилийской неудачи — обратила внимание на чрезмерное захламление сборной Федерации футбола СССР. Видно, хвалительница и адрес спортивного раскаяния и адрес спортивного раскаяния служ и футбольных руководителей. Как бы то ни было, а федерация молча прислушалась и не сумелась со всех сторон бурному потоку восторга.

Однако продолжим наш разговор.

Поездка сборной по Южной Америке позволила ей ближе познакомиться с будущими соперниками. Но одновременно она явилась для наших противников серьезным предупреждением. Нашу команду тоже узнали гораздо ближе. Естественная как опасного конкурента.

К борьбе с ней стали специально готовиться.

Чемпионат мира неизменно приближалась. Сборная приступила к последнему, решающему этапу подготовки. И думается, что здесь были допущены серьезные просчеты, повлиявшие затем на итоги выступления советской команды. Это это за просчеты? Их, пожалуй, очень много подметит член президиума

дуума Федерации футбола СССР А. Перель в своем выступлении на совещании начальников и тренеров команд разбора, на котором проанализировал выступление нашей команды в Чили.

Ошибки № 1 — возвращение к являемому плану подготовки, осужденному еще в 1958 году. Да, да, после выступления в Швеции. Федерация футбола открыто осудила практику длительного отдыха игроков от их коллективов и семей, ибо такой отдых сильно отразился на психологическом состоянии спортсменов. И что же? Перед новым чемпионатом тренеры пошли по старому, но оправдавшему себя пути. Футболисты сборной шли в отпуск — и на очень длительный срок — оторваны от привычной для себя обстановки. Догатоно сказать, что за пять месяцев немосновные спортсмены находились вне дома 124 дня! Думается, что решающую роль тут сыграло неадаптация тренеров от игроков от всякого постороннего влияния, а это не что иное, как простое недоверие футболистам. Добавим, что командам Бразилии и Чехословакии не допустили подобной ошибки. И это, как видите, не помешало им хорошо подготовиться к турнирившим соревнованиям.

Ошибки № 2 — неграмотный подбор противников для тренировок — матч с Германией было откровенно слабым. Истати, и такая практика тоже была осуждена в 1958 году. Ничего же все повторилось снова. Тогдаши команды встретившиеся с нашей сборной на последнем этапе ее подготовки, можно считать достойными соперниками (сборные Швеции, Уругвая и Берлина), да и они оказались не

в лучшей своей форме, исключая футболисты Берлина. Ну, а что могли дать, например, встречи с югославиями, далеко не лучшим клубным командой (Югославия Немного. Как бы то ни было, а наша сборная отрывалась на мировом чемпионате без достаточной проверки своей боевой готовности. Медленная команда оказалась далекой не тем грозным конкурентом, каким была в 1958 году. Ибо в ее отсутствие слабые игроки Югославия, выступающие в итальянских клубах. Крупный выигрыш у Уругвая (5:0) мог внести в команду уверенность в своей готовности. Наконец, матч с откровенными футболистами болгарскими настраивали. Второй тайм этой поездки был проигран вступило. А ведь команда Берлина могла бы сравниться с соперниками, которые ждали сборную в Чили. Давайте же перенесемся теперь

В. ФРОЛОВ

на чилийскую землю — в Арику. Вспомним, что произошло с нашей командой во время ее выступления на чемпионате мира.

Первый матч — с командой Югославия. В нем наша сборная, по единодушному мнению специалистов, показала свою тушевую игру на чемпионате мира. Матч был боевым, острым, ударным. Противник боролся до конца, но оказался в игре. «Да, да, да, но не надо так хвалить и саван футболистов журналисты. И он действительно всегда больше надежды, так как показав умение наших футболистов «выдать нагора» все, на что они способны. Команда Югославия — гораздо более легкой соперник, чем Югославия. Вряд ли это из специалистов сошлись — при матче, что и сборная СССР победит Югославия. Не сомневался в этом и наши тренеры и сами футболисты. Они сделали ставку на выигрыш с крупным счетом. И это было ошибкой. Хотя бы потому, что задача, поставленная перед футболистами, оказалась невыполнимой, и команда получила серьезный моральный удар.

Напомним, в каком положении находилась наша сборная. В Южную Америку выехали, как и положено, двадцать два футболиста: три вратаря, пять защитников (из них три крайних), четыре полузащитника, десять нападающих. У нас тут было не все продумано. В команде всего три крайних защитника! Правда, Дубинского, сразу же поставила перед сборной сложную проблему. Оставив два крайних защитника — Остроуский и Чехов. Оба они привыкли играть на месте левой защитника и почти не готовились для выступления на правом фланге. Если бы

тренеры серьезнее отнеслись и комплектованию команды, ничего победного не случилось. Мы, конечно, хотелось, зачем, например, сборной нужны были десять нападающих? Трое (Поливанов, Гусаров, Каневский) способны были играть на месте центра защиты. Гусаров, Каневский, а также Назаров, Мамыкин, Хусанов, Саберинов и Численко могли выполнять функции полузащиты, зачем так много? Однако же, безусловно, можно было заменить защитником. Ох, как пригодился бы этот защитник в Арине!

Нет, не все предусмотрели руководители сборной. Вспомогательное можно было бы найти уличное, немцы Хусанов, кандидатую на роль левого крайнего. Можно было бы тщательно обогатить вратаря Потрицадзе. И, конечно, возвращая в сборную буквально перед отъездом в Чили и затем,

взять от него максимальной выкладки сил.

Вспомним, как складывалась встреча. Все шло превосходно, Назаров играл — и сразу три мяча в ворота соперников. Затем вполне понятный сдвиг в игре команды (на арине повисла атмосфера «неприятности») — и ответный гол. Первый тайм 3:1. Что еще можно желать? А установка та же: не терять энергии, атаковать, добиваться более крупной победы. Второй тайм. Все силы брошены вперед. Счет уже 4:1, а каневский все мало — команда заходит. И тут внезапно гол, забитый в последние минуты игры, непосредственно после углового удара. Стадион хохотит, но ситуация не делается действительно юморной. Вероятнее всего, не будь этого гола, Потрицадзе и добился бы крупной победы. Но, как говорится, из песни слова не выкинешь. Колум-

беда над Австрией и — проигрыш Бразилии, затем победа в турнире поединке над Англией и — тынеша неудача в матче со Швейцарией. История истерично повторилась. Отличных выигранных у югославов и — неудача с Югославией. Превосходная игра с Уругваем и — непорочное поражение в матче со швейцарцами.

Есть ли тут закономерность? Думаю, да. Как нам кажется, наша сборная в меньшем состоянии не в силах с успехом провести матч напавшимся турнир, как чемпионат мира, если тренеры не будут умело и разумно использовать все двадцать два футболиста команды. Нам много возмущения, но оправданным кажется, например, провел все турнир адекватно (и в целом) только один игрок — он стоит подходить с одной рукой и ищущую футболку и бразильскому. Бразильцы ставили

нах, чтобы они не повторились в будущем. Без этого немилосиво думать, что это был один просчет. Историю повторилась в чемпионате мира 1958 года. Помните парнишки от швейцарской команды? Предельно усталой. Тренеры, многократно выходя на поле, говорили из футбольного. Перед игрой они опросили по очереди каждого игрока, готовы ли играть, бороться до конца. И хором отвечали: «Да, готовы». Но когда началась игра, почти сразу чуть-чуть оплывали, чуть-чуть теряли концентрацию, чуть-чуть ослабевали в поединке с сильнейшими соперниками. Это происходило почти во все самое. Примерно так же. Устал в последние дни двух встреч. Мы же не успевали, навалились медленно. Даже в день начала игры в Лимах не пришлось к корме. С ним поговорил!

— Как самочувствие, Валерий? — Нормальное. К игре готов. И решение было поставлено. Кормили.

Справедливее: маной спортивной сам отнялись от борьбы, когда он находит ее асией душой? Воронин не обманул тренеров. Стремясь играть, был уверен, что сможет довести установку тренеров до конца. Это порой бывает невозможно.

Тренеры не сумели предвидеть сдвиг в игре Бразилии. Это состояние стало для нас неожиданностью. Ирагослов вратаря Яшина. Его нельзя винить в поражении. В знаменитом бою он тоже устал. Он давал борю слишком много своей энергии. Стоило задуматься: а выдержит ли Яшин такую нагрузку? Поборать свою нервную усталость (это определение, пожалуй, точнее всего характеризует состояние Яшина) нашему вратарю не удалось. Вплоть до конца второго гола, пропущенных ни, оказались роковыми. Отбавить их сборная не сумела. Именно из-за этого и произошла игра Вейя в счете 1:1. Именно из-за этого и произошла оборона Семь, а иногда и десять их игроков всегда вступали в борьбу на поле. Шестьдесят минут не отходили от мяча, вступали в борьбу с соперниками. Показательное соотношение угловых — 10:3, удары — 27:17, при этом так много забитых мячей — шесть — поражение! В чем же дело? Почему так много забитых мячей в защите? Неужели неумение преодолевать глагольную оборону, борю против тактических команд? Этот недуг преследует наши игровые команды. Как явным, от чего не забавлялся и сборная. Любопытно высказывание по этому поводу тренера команды Г. Каналина:

«Мы знали, как надо скрывать оборону противника. Вытащить из «двух». Все было сделано, но центральной тройке не хватало необходимых в борьбе против массивной обороны. А чем обогатился футбол после прошедшего чемпионата мира? Неужели в футболе наблюдается в этой популярнейшей игре? Неужели в футболе сейчас по пути очевидного усиления обороны? 4-3-3 принят на вооружение всеми командами мира. Система тренера Воронина, система тренера защитников анонимных команд, система тренера Яшина — пришла система обороны, которая, вероятно, будет названа «система обороны Воронина»». Сейчас в чем же суть? Команда стремится к игре в центре поля, к игре в наиболее опасной зоне перед воротами. И с этого момента начинается оттягивание назад полузащитников, оттягивание назад защитников. Вот и ставит двух центральных защитников, навалившись на них, в центре своей штрафной площади. Один из них, как правило, опенает ворота, другой действует за спиной, а третий — в центре. Имя по бокам двух крайних защитников, эти пара составляют наиболее опасную зону перед нападающих противника. Разделенный в центре, нападающий не имеет заданий, в действиях которого явно преобладает оборонительный характер. Другим игроком (иногда левого полузащитником) два, в центре поля, навалившись на нападающих и активно участвующих в атаках.

не боясь риска, использовать его одним-двумя поединками. Сейчас мы констатируем свершившийся факт: сборная команда оказалась в Чили ослабленной, и это результат просчетов, допущенных при комплектовании сборной. Видимо, руководители сборной успели только то обстоятельство, что защитники у нас выступали в последние дни сборной в качестве запасных. Забота о бесспорности форвардов, тренеры ослабили внимание и обороны и были чуждыми. В пяти шведских поединках сборной общий счет был 1:6, в четырех чилийских матчах — 3:7. Что же, налицо несомненный прогресс форвардов и явный сдвиг в игре оборонительных линий...

Итак, руководители сборной сделали ставку на крупную победу над югославцами. А так ли был необходим такой счет? Любопытны выигранные у Колумбии два матча. В первом моральней, перевес перед уругвайцами (нас устроили бы тогда не только ничья, но и проигрыш в один, а может быть, и два мяча). Что же так опасались руководители сборной? Неужели крупного поражения от уругвайцев? Видимо, да. Но в первом случае пристальный разбор положения нашей команды перед матчем с Колумбией пологим, отвлеченным приводит только к такому выводу. А было бы, пожалуй, разумнее сделать «разгрозочнее» именно матча с Колумбией. Можно было дать отаку ряду ведущих футболистов, выставив запасных игроков (на их стороне были свои преимущества: во-первых, свежест сил, во-вторых, желание проявить себя, доказать, что они не являются для команды ненужным балластом). Наконец, выставив два боя в состав, вряд ли следовало требо-

ваны вхождением, сами бросились вперед. А у нас на арены вышла уже не самосухоарность, а очевидная растерянность. Виде установка была твердой: атаковать, добиться крупной победы! Пришлось же обороняться, просто отбиваться от неожиданно воспринявшего духом соперника. Вальневше известно. Счет стал 4:4. Вместо крупной победы — турнирные очки. Вместо легкой игры — изнурительная, изматывающая борьба вырваться из порального удара Полянто, что футболисты, вырвались сами, а затем захотели поединка матча как в воду опущенные.

Последняя игра с Уругваем. Результат этого поединка приобрел решающее значение. Вспомним, что непорочным образом СССР в этом случае не попал в финал. План наших тренеров — добиться крупной победы над Колумбией и дать в матче с Уругваем возможность отодвинуть наиболее стабильно футбольный «хвост». Пришлось снова сражаться. Именно сражаться! Адекватнейшим, повнимательным шансам, жаждущие восстановиться своей игрой, уругвайцы устроили борьбу за право продолжить турнир за мировую футбольную корону.

Итак, за успехом вновь последовала неудача. Сделав еще раз попытку в прощальном матче против Ничлы с Англией, хорошая

на исключительную технику. В этом отношении в массе (беря даже только игроков сборной) мы отстали от бразильцев. Бразильцы могут подчинить своей воле ритм борьбы. Когда надо отложить, они замедляют темп, подолгу разыгрывают мяч, а затем затвисты сменяются у них неожиданными уругвайским натиском. Такое поведение, по-моему, не характерно для элитного игрока. Бразильцы экономят расходовать силы, доводя до предела свои физические затраты нервной энергии.

Наш же футбол — исключительное умение использовать пространство, тем, что наваливаясь соперника на свою предельно физическую форму. Разумеется, при этом стiene расход физический неравномерно, неравномерно. Когда рядом чемпионата национально, когда чемпионат не успевают восстанавливать силы, путь один — доводить до предела свои физические возможности (или запасных игроков). Нам не хочется называть это «исключительным талантом», но если отбросить лишние из лишнего, то можно сказать, что именно на основных и запасных. Все игроки сборной равны — вот единственное справедливый критерий, который может быть применен к сильнейшим футболистам страны.

И тут снова придется сделать упрек в адрес руководителей сборной. Не для того, чтобы обвинить их работу и одновременно наш футбол. Наверное, сейчас найдутся такие болельщики, которые постанутся признать инициативу, которую мы назвали «пот углов». Повторю, ничего подобного нет! Мы не говорим о голевых действиях. Для того, чтобы лучше понять видны нам поговорю о голевых действиях и больше просчеты. Мы заострим внимание на этих ошиб-

Гусар Лариса

Фото В. МИШНА.

В старом наметном сарае, на зипунах, телегах и просто на земле — расположились усталые бойцы. И среди них — курносый мальчишка в военной мушкетерской форме. Вместе со всеми он ждет, когда армия двинется в путь. А тогда он прислушивается к песне, которую запела девушка французская актриса Жермен...

— Стел! Отстань! — Плотный, высокий, с курчавыми взъерошенными волосами человек устало слезает с оперативной тележки. Достает платон, утирает пот со лба. И, точно расколдованной, сарай преображается. Теперь это уже не сарай, а павильон «Мосфильма», на бойцах и партизанах русской армии, а минористки, не французская актриса Жермен, а артистка московской оперетты Татьяна Швага.

Мы присутствуем на съемках нового художественного фильма «Гусарская баллада». Высокий, взъерошенный человек — режиссер-постановщик Эльдар Разванов — резко рубит воздух: — Истори!

И мы мгновенно переносимся на подвора столетия назад. Идет война с французскими захватчиками, русский народ от мала до велика поднялся на защиту родного края. Мальчишка-гусар тоже принимает участие в сражениях с врагами, притом действует храбро, смело...

Кто играет главную роль в фильме? — спрашиваем мы в первом же ряду второго режиссера Юрия Феликсовича Даниловича.

— Лариса Подойдигина, пожалуйста! — И Юрий Феликсович поворачивается к... мальчишке-гусару!

Да, Лариса Голубнича играет в «Гусарской балладе» роль отважной русской девушки Шуры Азаровой, которая для того, чтобы участвовать в войне, переоделась гусаром...

В основе фильма — исторический факт: именно тогда поступила героиня Отечественной войны 1812 года Марица Дурова.

Кто же она такая, Лариса Голубнича? Известно, в кино это имя мы слышим впервые! Да, «Гусарская баллада» — дебют двадцатилетней студентки III курса ГИТИСа. До этого индее не снималась и даже не предполагала, что станет киноактрисой.

— Как получилось, что вас пригласили на главную роль? — Очень просто и очень неожиданно. Когда съёмочная группа «Гусарская баллада» подобрала героиню, об этом узнали студенты ГИТИСа — мои товарищи по факультету музыкальной комедии. Они сказали постановщику режиссера, ведущему поиски девушек-гусаров, что, по их мнению, лучшей кандидатурой являюсь я. И об этом ничего не зная и была немало удивлена, получила из «Мосфильма» отпрыску с приглашением явиться на пробы. А дальше... Фото, и кинопробы я прошла успешно, и вот художественный совет второго творческого объединения утвердил меня на роль Шуры Азаровой...

Интересно отметить, что «Гусарская баллада» — первый в истории отечественной кинематографии фильм, в котором широко используются эпизоды военных боев на сцене.

— Это, мне кажется, — рассказал постановщик фильма Э. Разванов, — была одна из самых больших трудностей, с которыми мы столкнулись в процессе создания фильма. Нашему творческому коллективу — известному кинорежиссеру Юрию Яновлеву, играющему роль полковника Юрия Хомятова, исполняющим роли партизан, Юрию Белову, Роману Трошнину, Владимиру

Рабочий момент съемки.

Режиссер-постановщик Эльдар Разванов (на переднем плане) вместе с оператором Л. Крайневым напряженно ищут наилучшую точку съемки.

Валентину Брылеву, Ляму Поляеву, Феликсу Яворскому, Михаилу Орлову — пришлось асфальтировать, по-настоящему изучать искусство верховой езды и фехтования. Съёмки военных боев велись почти без дубляров. В морозные дни зимы 1961/62 года им пришлось вынести серьезные испытания воли и мужества на заснеженных полях Подосиновья, на месте натурных съёмок. Последний эпизод — торный мы задав Эльдару Александровичу Разванову — что привлекло его и его товарищей по товариществу к работе над этим фильмом!

— Главное, что вдохновляло при работе над

«Гусарской балладой» и меня и моих товарищей по съёмочному коллективу — оператора Леонида Крайнегова, художников Михаила Богданова и Геннадия Мясникова, композитора Тихона Хренникова, Игоря Ильинского, играющего роль Кутузова, был интереснейший коллектив. — Это гордость за lavoro прошлое русского народа, неуемная память о великой освободительной войне 1812 года, об одном из эпизодов которой и рассказывает наш фильм. Это будет подарок миллионерам и славному юбилею.

— Последним эпизодом, вышедшим в прокат, был эпизод, в котором Лариса Голубнича, по несколько дней буйно вылазавшая из седла. Пожалуй, то, что пришлось ей вынести во время зимних съёмок, выдержит не каждый взрослый мужчина...

— Последним эпизодом, вышедшим в прокат, был эпизод, в котором Лариса Голубнича, по несколько дней буйно вылазавшая из седла. Пожалуй, то, что пришлось ей вынести во время зимних съёмок, выдержит не каждый взрослый мужчина...

А. ГРАМОВ

Читатели нашего журнала, очевидно, помнят рассказ писателя Александра Казанцева «Пришлись из космоса?», опубликованный в «Смене» (№№ 8, 9, 10 за прошлый год). В нем приводились некоторые данные об исследованиях советских ученых в районе падения Тунгусского метеорита, который ряд специалистов склонны рассматривать не как метеорит, а как взрывавшийся астероид, комету, а как результат ядерного взрыва неведомого космического тела.

Во многих письмах в редакцию читатели просили подробнее рассказать об этих исследованиях. Сегодня мы начинаем печатать отрывки из дневника Дмитрия А. Золотова, который за последние время трижды побывал в районе Тунгусской катастрофы и вместе со своими товарищами сделал так любопытные наблюдения и открытия.

ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКА

20 апреля 1959 года.

До сих пор я думаю, что вопрос о Тунгусском метеорите какой-то образом решен. А сегодня ночью прочитал рассказ А. Казанцева «Пришлись из космоса?», где он пишет, что Тунгусский взрыв остался загадкой. Странно, как затолкло голову, я поспешно тайгу, на место катастрофы, и посмотрю ее своими глазами.

1 августа 1959 года.

За последние три месяца собрал и изучил почти всю литературу по Тунгусскому метеориту. Вот что я теперь знаю.

20 июня 1908 года равнин утром в атмосфере Земли выпало космическое тело и взорвалось над Тунгуской тайгой в беспамятные реки Подкаменная Тунгуска, в 65 километрах от фронтира Ванавара. Взрыв космического тела прокатывал огромные разрушения в тайге. Миллионы вековых деревьев сибирской тайги на расстоянии 20—22 километров от эпицентра взрыва были повалены, словно спички. Звук взрывающего взрыва был слышен на расстоянии до тысячи километров. На сотни километров содрогалась земля. Падали с ног люди и животные. Из окон домов вылетела стекла. Взрывающая волна донесла вокруг Земли и была зарегистрирована во многих обсерваторных мирах.

Девятнадцать лет спустя, в 1927 году, в район взрыва первым пришел советский ученый Л. А. Кулика. Он обнаружил радиальный вывал леса. Однако в центральной части вывала Кулик нашел район сточного леса с обожженными стучами и оборванными верхними — он назвал его «теплогриффным лесом». Кулик мечтал также, что мох, кусты и деревья получили ожог мгновенно и что область ожога почти совпадает с областью вывала леса. Кулик представлял, что Тунгусское космическое тело является железным метеоритом. Четыре года он искал осколки метеорита, но поиски не увенчались успехом: метеоритного вещества обнаружено не было. Гибель Л. А. Кулика во время Великой Отечественной войны прервала исследование «Тунгусского вывала».

В 1947 году К. П. Станюкович и В. В. Федюнский разработали теорию кратеробразующих метеоритов. С точки зрения этой теории тело, движущееся со скоростью 10 километров в секунду, при ударе о землю взрывается. При ударе о землю поверхность движущегося с большой скоростью космического тела высвобождает энергию этого тела переводит в тепловую — создается тепловая язва. При взрыве метеорита в земной поверхности образуется кратер. Поэтому такие метеориты называют кратеробразующими. Тунгусский метеорит должен был образовать кратер более километра диаметром и несколько сот метров глубиной. Авторы этой гипотезы считают, что кратер затонул на месте предполагаемого падения метеорита в Южном болоте.

В 1958 году, 19 лет спустя после последних работ Л. А. Кулика, Комитет по метеоритам АН СССР организовал новую экспедицию в район катастрофы под руководством К. П. Фролова. Экспедиция провела большую работу по изучению района вывала леса и поиску метеоритного вещества. Однако такого вещества не нашли. Не нашли экспедиция и никаких признаков метеоритного кратера в районе Южного болота. Эти результаты поколебали представления о Тунгусском космическом теле как о кратеробразующем метеорите.

У членов экспедиции появились предположение о возможности взрыва космического тела в воздухе, но окончательных выводов по этому очень важному вопросу не было сделано.

Я не понимал, почему все исследования района Тунгусской катастрофы проводились лишь с «метеоритной» точки зрения. Почему не изучали возможность взрыва иного характера, например, в результате термоядерной реакции? Хорошо известно, что наиболее характерными последними атомного взрыва являются радиоактивный ожог и радиоактивность. К тому же при атомном взрыве радиус области ожога должен быть близок к радиусу заметных механических повреждений. По описаниям в районе Тунгусской катастрофы радиус области ожога деревьев равнялся 15—18 километрам, а радиус области вывала леса был 20—22 километра. Значит... Значит, предположения требовали проверки на месте.

18 августа 1959 года.

Наконец-то мечта начинает претворяться в жизнь! У меня на квартире лежит полностью приспособленное покоевое снаряжение для двух человек. Взоруч устакан похода — мой служивка, научный сотрудник Иосиф Гешелевич Дядкин. На работе у нас отпуск. Мы отправляемся в восток, в дилекцию и загадочную для нас Ванавару — ближайший населенный пункт от места Тунгусской катастрофы.

В общем виде задучу экспедиции мы сформулировали следующим образом: каков характер взрыва Тунгусского космического тела — ядерный или не ядерный?

У нас сложилось мнение, что этот вопрос является в настоящее время уловимым, без решения которого не может быть решена и вся проблема Тунгусского метеорита. Мы задумали целью изучить наиболее характерные признаки взрыва, которые отвечали бы на вопрос «да — нет» (ядерный — не ядерный). Признаки, по которым можно было бы определить скорость и размеры космического тела, энергию и температуру взрыва и т. д. К таким характерным признакам мы отнесли явление лунного ожога деревьев и радиоактивность почвы и растительности в районе взрыва.

Исследование всей проблемы мы разделили на два основных этапа. Сначала нам надо было заняться на изучении характера и силы взрыва, а уж потом выяснить природу космического тела — естественное оно или искусственное.

В первую очередь следовало собрать фактический материал и образцы для исследования лунного ожога деревьев и радиоактивности почвы и растительности в районе катастрофы. Такой материал нам был необходим для организации будущей экспедиции, где вместе с нами должны работать и специалисты по ядерной физике.

24 августа 1959 года.

Сейчас уже не то, что во времена Кулика: тогда из места катастрофы надо было два месяца добираться по таежным тропам. Мы попутрили лишь несколько дней, и вот — Ванавара. По дороге сюда мы построили тамскую экспедицию под руководством Геннадия Павлова. Мы начали изучать метеорологию и радиометрию местности, проверяя гипотезу о ядерном взрыве Тунгусского метеорита.

Прежде чем выйти в тайгу, решили проверить облет участка катастрофы на самолете, чтобы получить общее представление о районе разрушений. Для облета заказали специальный самолет в аэропорту самолета «Юк-12». Для нас это было странным и необычным: самолет-такси. Самолет был дан в наше распоряжение на полтора часа.

Под нами проплывала тайга, словно бескрайнее зеленое море. Но это была не просто тайга, это была тайга, которая видела и принимала Гостя из Космоса! Уже более полувека хранит она Его Величество Тайгу!

Мы перелетели небольшой хребет, и перед нами открылся панорама Великой котловины, окаймленной цепью невысоких гор. В центре котловины раскинулись знаменитые Южное болото, где «упал» загадочный Тунгусский метеорит!

У подножия горы Стойовича оказались избушки — метеоритный заповедник Кулика. Сделали круг над избушкой и над Южным болотом и полетели на запад. Здесь поваленные деревья лежали вершинами на запад, но вывал был заметен только на юго-западном направлении. А в двадцати пяти километрах от замики Кулика, на встречном западном вывале леса, вершины деревьев были направлены на восток.

По свидетельству выживших, на северо-восточных отрогах лаурусского хребта расположен на юго-запад от Южного болота, они видны широкой канаву, которая кончалась большой ямкой. Воды здесь не было, поэтому ямки прозвали эту канаву «Сухой речкой». В связи с этим появилось мнение, что Тунгусское космическое тело под небольшим углом упало на склоне хребта Лаура, образовав глубокую борозду и, разорвавшись на части, рикошетом полетело дальше, в сторону Южного болота. Это и называемый «крикошетный» вариант падения Тунгусского метеорита, высказанный И. М. Суслым в 1927 году. С той точки зрения поиски «Сухой речки» имеют очень большое значение для разгадки «Тунгусской тайны». Но мы не нашли канавы, напоминающей «Сухую речку».

Откуда же взялась колоссальная энергия, которая пронзала разрушения в тайге? Десятки миллионов вековых деревьев на протяжении десятков километров лежали сложенными настлом. Расчеты и сравнение разрушений в тайге с разрушениями от крупных взрывов показывают, что Тунгусский взрыв равен взрыву нескольких десятков 10 миллионов тонн тротила. Иными словами, чтобы произвести разрушения, подобные тем, которые мы только что видели, надо взорвать сразу около 500 атомных бомб!

Раньше все было просто: считали, что в Южное болото упал гигантский, весом около миллиона тонн, обычный (железный или каменный) метеорит, раскаленные газы обожгли и повалили деревья, образовавшиеся кратер со временем разрушился и затонул в болоте.

Но вместе с кратером болото затонуло и решение всей проблемы Тунгусской катастрофы, во изучение оказалось в тупике. Не случайно, что за 51 год со времени падения на Землю космического тела Тунгусская катастрофа так и осталась неразгаданной тайной природы.

Разглядывая из самолета грандиозный вековой, образованный миллионами поваленных деревьев и пространства в несколько десятков километров вокруг Великой котловины, я подумал, что обычный метеорит так взорвался

ственно раскаленными газами, сопровождающимися потоком космической пыли. Третий придерживается гипотезы об ожогах и раскалении в зоне сияния взрывной волны. Четвертые утверждают: ожог произведен световыми лучами в момент взрыва.

Тусовский полагает, что после взрыва характером, что он одновременно возник на площадке около 30 километров в диаметре и очень быстро — в тот же день — погас. Очевидцы отмечали, что над тайгой поднимались клубы черного дыма, над ним колесо палящего ветра в 2—3 часа дня совершенно исчезли.

Ясно, что обычный лесной пожар там кратковременно на столь большой площади возникнуть не мог, он не имеет сравнительно узкой фронтальной полосы по направлению распространения пожара на 30 километров лес должен гореть несколько дней. Например, недавний лесной пожар близ поселка Банавары достиг такой высоты черной дым на многие сотни километров, что в районе Кемжи и Банавары самолеты не могли летать в течение 10 дней.

Тусовский пожар знаменит и другой особенностью. Он возник в виде очагов, для распространения пожара на 30 километров лес должен гореть несколько дней. Например, недавний лесной пожар близ поселка Банавары достиг такой высоты черной дым на многие сотни километров, что в районе Кемжи и Банавары самолеты не могли летать в течение 10 дней.

Тусовский пожар знаменит и другой особенностью. Он возник в виде очагов, для распространения пожара на 30 километров лес должен гореть несколько дней. Например, недавний лесной пожар близ поселка Банавары достиг такой высоты черной дым на многие сотни километров, что в районе Кемжи и Банавары самолеты не могли летать в течение 10 дней.

Эти факты отрицают возможность ожога леса раскаленными газами или волнами, так как в этом случае ожог должен был сплошным: раскаленные газы и взрывная волна в зоне своего действия должны были выжечь подряд без всяких перерывов.

Остается последнее предположение: ожог тусовских деревьев произошел от светового облучения взрыва. Но как же тогда объяснить чередование обожженных и необожженных участков? К сожалению, этого а пока еще не знаю.

К нашему старому шалашу на берегу реки Маиктры, примерно в 20 километрах от эпицентра, приходящий касателью. Это место очень важно для исследования, так как здесь проходит граница сплошного вывала леса, а на границе здесь находятся интересные вещи.

Иосиф стал разводить костер и готовить ужин — он был сегодня дежурным, — а я пошел обследовать местность. Встретив знакомое привлекло высокие сухие деревья, которое стояло у подножья горы. Я подошел к нему и стал обходить кругом. Это была старая лиственница в возрасте около 300 лет и высотой около 25—30 метров. Имел крепкую корневую систему, она осталась стоять на корню. Почти все сучья у лиственницы были обожжены, но — странное дело! — явно неравномерно: в одном направлении обожжены, а в другом — нет.

«Да это же направленность обожжения — от взрывной волны!» — мелькнула у меня мысль. Я поспешил вытаскивать карту и компас. Проверил по карте среднее направление передних сучьев — несомненно, оно совпало с направлением эпицентра взрыва и точно совпало с направлением поваленных деревьев в данном месте. Это значило, что боковые сучья были обожжены взрывной волной. Вот это здорово!

Если радикальный вывал леса означал, что сильные разрушения при катастрофе произведены в основном взрывной волной, то направленный к эпицентру обожженный говорит о том, что не только сильно, но и слабо разрушения произведены взрывом, а не баллистической волной — в данном месте баллистическая волна распространилась перпендикулярно взрывной волне и должна была обжечь передние и задние сучья лиственницы. И если в области своего наибольшего воздействия баллистическая волна не обожгла даже сучья, значит, она была не просто слабая, а минимальная слабая взрывной волны.

Это уже фактический материал для оценки скорости обожженной волны. Если направление взрывной и баллистической волн означает, что скорость движения Тусовского космического тела была направлена. Во всяком случае, она не 50 км в секунду, как утверждал И. С. Астапов и Е. В. Криво.

Существует несколько мнений о причине ожога тусовских деревьев. Один считает, что здесь был обычный лесной пожар, другой, деревья были обожжены непосред-

(Продолжение следует)

ся на ожоги. Здесь произошло что-то сложное. Тусовская катастрофа — это новое, еще не изученное, а возможно, совсем неизвестное человеку явление природы. Чтобы разгадать Тусовскую тайну, нужен более широкий научный подход, новые методики исследования. Если ее разработать, то при сопоставлении уровня науки и техники Тусовская проблема может быть полностью решена в течение нескольких лет.

31 августа 1969 года.

Позади треск сухих шаговых переходов. Вот последнее болото, и мы входим в лес на склоны горы Стойковича. Переход завершен — мы в эпицентре Тусовского взрыва!

Входим в избушку — здесь работал Леонид Алексеевич Кулик. На стенах висит инструмент, которым пользовался ученый, на полках стоят антоциановые кобы, пробирки и склянки. По-прежнему, это была лаборатория, в которой Кулик и его соратники проводили свои исследования.

Прислушав к измерениям и обследовав местность, идем по просеке на юг по направлению к Южнору. Среди молодого порастающего леса резко выделяются остатки мертвых деревьев с обожженными сучьями — телеграфный лес. Выходим на опушку — перед нами на много километров мягким зеленым ковром раскинулось болото. Здесь, на этой стороне, на горе Стойковича, сохранился стоячий лес на корню, а на той стороне, за сопкой, сплывала поваленный лес.

Какая сила и какая волна — взрывная или баллистическая — провалила эти разрушения? Вот первый вопрос, на который надо получить ответ. Почему? Да потому, что взрывная волна образуется во время взрыва тела и имеет сферическую форму, она распространяется из одного центра и производит разрушения радиально по всем направлениям. Баллистическая волна создается при движении тела в воздухе со сверхзвуковой скоростью и имеет конусообразную форму, подобно волне в воде, возникающей во время движения парохода. Она не имеет единого центра и производит разрушения полосой симметрично по обе стороны от траектории полета тела. Но ведь здесь, в районе катастрофы, деревья лежат, положив вершины радиально во все направления. Значит, Тусовское космическое тело не просто ударилось о землю, а взорвалось. Но где произошел взрыв — на земле или в воздухе?

1 сентября 1969 года.

Вечер уходит на замалашивание. После удивенного есть о чем подумать. Если бы космическое тело упало и взорвалось при ударе о землю и при этом выделялась энергия, способная повалить лес на расстоянии до 20—22 километров, то на месте падения образовался бы кратер диаметром более километра и глубиной в несколько сотен метров. Но за многие годы исследований никакого кратера на месте катастрофы не было найдено. Наоборот, в эпицентре взрыва сохранился стоячий лес на корню. Как это могло случиться? Причина может быть только одна — взрывная волна здесь двигалась сверху вниз. Значит, космическое тело не упало на землю, оно взорвалось в воздухе!

На ка я же высоте произошел взрыв? Крупные воздушные взрывы имеют свою тайну. Та тайна, которую мы увидели в тайге, передаваемая на языке математических формул, утверждает: взрыв произошел на вы-

соте на менее 5 километров — высота взрыва примерно равна радиусу области стоячего леса.

Занимаемся измерениями радиоактивности почвы и растений в эпицентре взрыва. Она здесь в 1,5—2 раза больше, чем по краям вывала леса. Чем это обусловлено — содержанием естественных или искусственных радиоактивных элементов? Чтобы прийти к определенному выводу, надо взять для исследования как можно больше образцов. А много ли уведешь в рюкзаке? Решем сжигать чурки. Выдеш интересуюсь нас радиоактивные элементы должны остаться в золе. «Очаговичам» на железных листах под старым навесом. Идет проливной дождь. Здесь единственное сухое место в тайге. Работка продвигается споро — от огромной охапки чурок остается маленькая щепотка золы и небольшая груда углей.

Я готовился рассчитывать на чурки очередной сгнил дерева, когда заметил, что годичные слои далеко не одинаковой толщины. Почему? Может быть, во время роста дерева вместе с соками из почвы через корневую систему поступали и растворенные радиоактивные вещества? Так а загорелся invece исследования радиоактивности древесины по годичным слоям.

Значит, что во время роста дерева большая часть соков, которые впитывались через корневую систему, идет на образование нового годичного слоя древесины. Но внутреннее слои не попадают куда меньше. Следовательно, по времени заражения местности радиоактивными осадками (если таковые были) радиоактивность новых слоев древесины должна резко увеличиться. Очень интересное явление! Растущее дерево не только является индикатором повышения радиоактивности, но и указывает на время заражения местности продуктами ядерного взрыва. Значит, оно может быть своеобразным радиоактивным календарем!

Я приготовил новые образцы для сжигания и пошел на опушку леса на берег Южного болота. Здесь лежала спиленная молодая лиственница. Ее окалося всего 37 лет, а диаметр составлял 33 сантиметра! Толщина годичного слоя достигла 5—6 миллиметров, а то время как у сухих лиственниц, которые росли до катастрофы в этом же месте, толщина колец не превышала 0,3—0,5 миллиметра. После катастрофы лес начал расти здесь в 10 раз быстрее! Не образовались ли в почве после взрыва вещества, стимулирующие рост растений?

3 сентября 1969 года.

Вчера вечером мы закончили работу в эпицентре по программе-минимум и сегодня утром отправились в обратный рейс, на Ванавару.

Несмотря на то, что промывают у как уже на исходе, рюкзаки не стали легче: много съеденных продуктов заняли образцы. Каждые пять километров делаем остановки для исследования степени ожога деревьев. Рассматриваем каждый обожженный сучок, каждое обожженное место на дереве. Сучки как будто срезаны огнем. Вот рядом толстый и тонкий, а обожжены одинаково. Вот очень тонкие, не толще сучья, сучья, которые удедли, вот находятся в соседстве с обожженными толстыми сучьями.

Существует несколько мнений о причине ожога тусовских деревьев. Один считает, что здесь был обычный лесной пожар, другой, деревья были обожжены непосред-

ОГОНЬ ПОКОРЯЕТСЯ СМЕЛЫМ

Идет подготовка к торжественному параду. →

Чтобы присоединить пожарные рукава к насосной развилке, нужны умелые и ловкие руки. ←

Восьмиклассник 92-й школы г. Москвы Федя Докладов получает награду за победу в состязаниях юных пожарных.

А. ЖИГАЙЛОВ,
студент МГУ
Осто автора.

Чловек зажег спичку и сузил ее в промасленную паклю. Через секунду завалил огромный факел. Человек размахнулся и швырнул его в распахнутое окно лесного домика. **Настроение** зашестели могучие сосны, до этого дремотно стоявшие на лесной поляне. Языки пламени быстро опеленали обшивку домика. К высоким кученым облакам потянулись грязные шлейфы дыма... Резко и прыжком забил пожарный колокол. Завали сирены пожарных машин.

У места происшествия резко тормозят красные автомобили.

— Ствол сюда!.. Присоединяй рукава!.. Возду!.. — раздается быстрые и четкие команды.

Не проходит и минуты, как сильные струи воды вступают в схватку с огнем...

Где же происходит эти события? Почему никто из присутствующих не бросился задерживать поджигателя?

Это идут учебные тренировочные занятия в пионерском лагере юных пожарных города Москвы. По утрам здесь, как и в любом пионерском лагере, трубят

гори. На утренней линейке поднимаются лагерный флаг. А когда кончается завтрак, ребята мчатся к пожарным автомобилям. Их в лагере 22.

Правда, это не стальные «ЗИЛы», на которых взрослые пожарные охраняют народное добро, а всего лишь «ГАЗ-69», оборудованные насосными установками с пожарными рукавами и брандспойтами, прямо-таки радиоустановками, лестницами, сиденьями для боевых расчетов...

Десяти — пятнадцатилетним мальчуганам, составляющим население палаточного городка, они очень нравятся. Для того, чтобы стать ловкими, сильными и смелыми, они пошли в юные добровольные пожарные дружины.

По десять часов в неделю занимаются ребята пожарно-прикладными видами спорта: учатся преодолевать барьеры, присоединять рукава к насосам, сменить проколотые шины у «газиков». А остальное время отдыхают. Рядом с лагерем находится детский городок Сокольнического района Москвы. На спортивных площадках юные пожарные играют в футбол и волейбол, бросают в баскетбольные

корзины мячи. В игротеке — богатый ассортимент настольных игр. В доме творчества — фотоаппарат, кружок художественного шпильвания и выжигания по дереву, радиоаппарат, кружок юных натуралистов, библиотека... Каждому найдется занятие по душе.

Лагерь, о котором мы рассказываем, создан Московским добровольным пожарным обществом. В нем отдыхают лучшие воспитанники семилетней армии юных пожарных столицы.

Путевка в лагерь выдается бесплатно, но чтобы получить ее, надо быть отличным дружинником и примерным учеником в школе. Путь неслегка, но доступный каждому.

Юные пожарные дежурят в своем районе, в жилых домах, в кинотеатрах, школах... И плохо приходится тем, кто не выполняет правил противопожарной безопасности.

Пройдут годы. Воспитанники юношеских добровольных дружин повзрослеют, каждый из них выберет себе профессию по душе. Но если случится им встретиться с пожаром, все они быстро и умело вступят в борьбу с огнем.

Поча препятствием для юных пожарных является обычный бум. Но если случится настоящий пожар, они смогут преодолеть любую преграду.

Занятия в лагере не прошли впустую. Пожар обязательно будет потушен.

Альберт ПИН

АЛЕША

— Приедешь в Пловдив, сразу иди к Алеше, — наказывали мне в Софии болгарские друзья. — Там вечерами всегда собирается молодежь.

Я и раньше слышал об этом. Видал фотографии Алеши в журнале — чуть курносый, с простыми, открытым лицом, он казался совсем юным, почти подростком.

...Мы миновали запущенную народом центральную улицу и углубились в лабиринт маленьких, тесных улочек. Смеркалось. Густые тени ложились на белоснежные домики с выдвнутыми вперед вторыми и

третьими этажами. Из панелей раскрытых окон доносился неторопливый шум. Пахло выветрив за день камнем и еще чужого прива, напоминая аромат гвоздики.

— Смотри: Алеша! — толкнул меня мой спутник.

Я подавил голову. Мы стояли у подножия огромного зеленого холма. Каменисто ступенчатый уходящий вверх, скрываясь за ветвями деревьев. А там, на вершине, стоял он, Алеша. Такой же, как на фотографичках, в походной солдатской форме, со своим автоматом, опущенным дулом к земле.

Прошло довольно много времени, прежде чем мы поднялись на вершину холма и подошли к высокой галерее. Вблизи холма выдвинулся вперед величественный — советский солдат, несущий сорок четвертого пришедший в Болгарию на помощь братьям.

Букеты цветов алали у подножия памятника. Два молодых парня стояли, выжили за руки, вперевалку от нас и задуменно смотрели на алегацию под обрамлением города.

Мы тоже подошли к гранитному барьеру. Пловдив лежал внизу, вокруг нас, укутанный легкой синева дымкой. Будто шляпки грибов, простерли красивые черешковые крышки — большие, маленькие, совсем крошечные. Они то вытягивались в ровные черточки, то приподнялись, рассыпались среди зеленых квадратов садов; кое-где проваливались в бесконечные овраги, так что виднелась только их трубы, или, наоборот, отоважно взбирался по склонам голых скалистых холмов. Лишь голубая Марица не принимала участия в этой пестрой толпе. Ровной лентой она прорезала город, сопровождаемая эскортом пирамидальных топей.

На следующую ночь мы исходили Пловдив вдоль и поперек. По широкому и прямому бульвару имени Георгия Димитрова, застроенному современными многоэтажными домами, добрыми по трамвайной дороге скалистого холма с поэтическим названием «Орфей» и проехав сквозь него по длинному шоссе. Потом взобрались наверх, и из века двадцатого шагнули в века минувшие. Прошли по крутым, извилистым улицам старого города — тихой и безлюдной, заглянули в дом, где останавливался французский полк Ламартиль во время своего путешествия по Балканам, присели отдохнуть возле развалин византийской крепостной стены.

Спустились к Марице, и с гранитной набережной долго садились за ее стрелителем бегим. Потом по новому мосту перешли на левый берег, к живописному знаменитой пловдивской ярмарки. И снова любовались «Марицей», но уже другой, созданной руками человека, — просторными, автоматизированными цехами самого крупного на Балканах текстильного комбината.

Вечером болгарские друзья пригласили нас в народный дом. Мы с трудом пробрались в переполненный зал — люди стояли в проходах, вдоль стен и даже в вестибюле. Докладчик — очень темпераментный юноша — рассказывал о творческом пути гоца Дебелянова. Рано ушел этот поэт из жизни: 29-летний подпоручик Димчо Дебелянов погиб в борьбе в годы первой мировой войны. Но стихи его, нежные, задушевные и удивительно звучные, живут и поныне. Их читали потом на вечерах артисты пловдивского народного театра и филармонии, участники художественной самодеятельности и, наконец, сам докладчик, знавший стихи любимого поэта наизусть. Ничего до сих пор не удалось сказать даже мой сосед, мечтательный и, как мне показалось, застенчивый юноша, раз пять просил с мольбой в голос прочитать и его любимые стихи.

Крупные южные звезды активно сверкали на небе, когда мы вышли из народного дома. Я сперва в один из переулков и через четверть часа уже поднимался к Алеше. Дорога, петляя, взбиралась на холм, и зарево городских огней вспыхивало от меня то справа, то слева. Темные пятки мостовой жирно лобскакивали при свете фонарей: только что прошел небольшой дождик. Прозрачная, торжественная тишина была разлита в воздухе.

Уже у самой вершины я почувствовал, что меня кто-то нагонит. Обернулся и узнал моего недавнего соседа, любителя поэзии. Мы улыбнулись друг другу, как старые знакомые. Вместе поднялись наверх. Скамейка здесь не существовала, мы с трудом отыскали скамью.

— Вечерами мы часто приходим сюда, — объяснила мне Станчо. — Любимые порой встречаются здесь рассвет. Молодожены обязательно приходят к Алеше после свадьбы. Нам кажется, он любит, когда мы являемся. Любит, когда мы читаем ему стихи.

Станчо умолял. А и смотрел на темнеющую в небе гигантскую статую, и в ушах у меня звучал голос болгарского юноши, с нежностью произносивший имя этого великана.

— Скажи, Станчо, а почему вы называете его Алешей? — спросил я. Почему? Он, кажется, не понял вопроса. — Так его зовут? А где его звали Иваном. Он тоже освобождал Болгарию — от турок. Здесь он и погиб. — И Станчо протянул руку к белешушу в темноте обелиску — памятнику русским воинам.

Я молчал, пораженный стечением слов, в которых правда истории так удивительно переплеталась с поэтическим вымыслом. «А, напротив, — дарю подумалось мне, — ведь могло быть такое и на самом деле...»

— Я бы хотел выписать об Алеше балладу, — застесливо произнес Станчо. — Но только я знаю: здесь нужны особые слова. — И, тронув рукой свой высокий лоб, он неожиданно предложил: — Хотите, я вам прочту из Георгия Раковского?

...Недавно я нашел в русском переводе строки болгарского поэто-революционера, которые слышал в тот вечер возле памятника советскому солдату на холме Освободителей. Вот они:

Днище — наш роса на цветке впадает.
В нас предрассветный роса выпадает.
И под дышанием палившего явон
В соцветии пловдива она исчезает.
Но если язык человек для народа,
Он не исчезнет даже, если исчезнет.
Всем, кто боролся за честь и свободу,
Памятник будет воздвигнут вечный!

Православный автор «Похождений bravo соловья Швейца» Ярослав Гашек за свою недолгую жизнь создал около полсотни тысяч рассказов и юмореск. Во многих из них Гашек остро высмеивает жизнь и быт убожеского, сидловидного мещанина. Рассказ «Когда цветут персики» был опубликован в 1913 году в журнале «Юмористические листы». На русском языке печатается впервые.

Ярослав ГАШЕК

Вся была так, как и в предыдущие годы. Цвели черешни. Из города люди ходили смотреть на эту красоту, и большинство из них возвращалось обратно без шляпки и с пустыми руками. У некоторых были отобраны у них stormки при наездниках черешневые аллеи. Иногда такие энтузиасты заканчивались полным фиаско. Вот в поезде из города сплывшая вышла семья. Все кругом смеялось, с деревьев на их головы сыпалась белая пыль, и вчетверо увеличилась окладистая расспанная по разным местам мальчишким хватили stormки, отца отвели в участок, а дочерей до поздней ночи еще мыли по полям. Грустные картины и малые трагедии...

А то еще другие, гораздо более печальные сцены. В стороне, под шумным деревьями, на свежей зеленой траве сидят влюбленные. Она говорит о красивой природе, а он, болван, бесечно клоплет на эту учую. Она говорит ему, что ползул муравей; и сам видит, что ползул; но когда это произносит она, ему вдруг начинается казаться, что это и в самом деле нечто необыкновенно прекрасное и величественное. Он смотрит ему в глаза и лепечет дальние что-то шепчет болван, деревья и других насекомых, кото-

рых проходил во втором классе начальной школы.

Потом она любит догонив, особенно если там есть какой-нибудь ручеек, и тащит его винит там они садятся. Она сообщает ему, что здесь очень красиво, и уже снова лезет на гору, но горю уже снова падает на ее помощь. При этом она смеется, а он подает ей руку и... и все в порядке. Все в порядке, смеются, господя родити, которые а это

время в загородном ресторане вытаскивают мух из теплого пива и толкуют, что на приане придеться, пожалуй, израсходовать столько пива. Само собой разумеется, что потом машина, зная свою возвращающуюся дочь, смеется отступ: «Этот болван уже за нее держип!»

Вот это самое правильное слово — болван; и был им когда-то. Но ведь все говорит: «Природа!

Идите на природу! Изучайте природу!

Короче еще, что у учителя Бенке оказался твердый характер, ничто он тоже был бы срыг тек... Семейство Дитмаровых выстало его однажды в будничной день на «болван» природу, выстало на черешневую аллею, или, как говорил пан Дитмар, «облигали» природу. Молодой естествоиспытатель они втиснули в вагон вместе со своей дочкой Маней. В дороге пан Дитмар толкавал о будничной пива, болтал разные глупости и рассказывал, чтобы набрать себе на тимную водку. Вспомнил о покойном отце и сообщил, что тот и старости — дай ему, Боже, вечную славу! — немого свинкусы и нищенствовал, чтобы набрать себе на тимную водку. Рассказывал он так печально, что даже в время от времени в своей носовой платок, что все в вагоне оглаживались на их лице.

Затем разговорился пан Дитмар. Она описывала каку-то вышивку, которую видела у супруги пана таможенного инспектора, того самого — с бородавками на красном носу. С бородавками она пещала на омане с рублевой барачинкой, но была прервана восхищением пана учителя, который таяция Маню и оному и кричал: «Посмотрите-на, посмотрите-на, какой тевенна, там, в полове и чужего распухшие ноги! Могут после того, что у меня паралич или суицидальной ревматизм. Основной симптом — затруненная походка. Будьте добры, барышня, взгляните на это! При описывании телеи испытывает чужая боли, нома на суставах теплее».

После этого он снова сел и в неоступившей тишине начал говорить о болезнях и всякого рода излияниях домашних животных, когда выходил из вагона, он заявил, что хотел бы получить место приват-

спячных инструментов. 28. Слупухи планити Уран. 29. Прыток Оришко. 31. Дерюжничное дерево, кустарник. 34. Строймелена, желанье, щель. 35. Стихотворение А. С. Пушкина.

По вертикали:

1. Художник, один из организаторов «Товарищества передвижников».
2. Республика в Африке.
3. Город на востоке Франции.
4. Столица Венесуэлы.
5. Южное плодородное дерево.
6. Духовой инструмент.
7. Средиземное море.
8. Народонаселения в дельте Северный Канал.
9. Персонаж оперы Дж. Пуччини «Тоска».
10. Рассказ М. Горького.
11. Морской млекопитающий.
12. Художественно оформленное основание статуи.
13. Помещение для омовения и разведения растений.
14. Дубовое растение, культивируемое на Канале и в Средней Азии.
15. Директор речной пароходства.
16. Борода на речу Буюкса в Финляндии.
17. Государство в Европе.
18. Учреждение связи в больших городах.
19. Чувствительная машина.
20. Рена в Персии.
21. Персонаж оперы Сметаны.
22. Чувствительный инструмент.
23. Один из древнейших городов Средней Азии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:
 5. Прага. 7. Святослав. 9. Рудинкин. 11. Танапа. 12. Маслуш. 13. Воронина. 14. Канад. 17. Беккер. 19. Зарипов. 21. Надерешина. 22. Врумель. 24. Триолет. 25. Кузнецов. 31. Автограф. 32. Ляров. 33. Кальмыс. 34. Огнивец. 35. Весна.

По вертикали:
 1. «Спартак». 2. Латынина. 3. Варшава. 4. «Прогрессивная». 5. Петроси. 6. Миннае. 10. Ошанин. 15. Оттавено. 16. Хренников. 18. Лядер. 20. Боркс. 23. Ученица. 25. Рудинкин. 26. «Дружба». 27. Вацурист. 28. Знание. 30. Власов. 31. Артура.

К Р О С С В О Р Д

Составила Л. БЕДОВАЯ, г. Северодонецк.

	1	2	3									
				4	5		6		7		8	
9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34
35												

По горизонтали:
 1. Советский академик, специалист по электросварке. 4. Центр угольного бассейна Кузнецкого. 6. Русский астроном, первый директор Пулковской обсерватории. 7. Советский график. 10. Международное элитное общество в Средней Азии. 12. Художник, изобретатель международной Ленинской премии «за укрепление мира между народами». 14. Прыток Иртыша. 15. Раздел грамматики. 16. Латынина весла. 18. Роман И. С. Тургенева. 19. Научно-исследовательский институт промышленности рудников Армении. 20. Актер Малого театра, почетный академик. 23. Произведение запясокуста. 24. Геодетический инструмент. 26. Произведение Э. Золя. 27. Советский мастер

По вертикали:
 1. «Спартак». 2. Латынина. 3. Варшава. 4. «Прогрессивная». 5. Петроси. 6. Миннае. 10. Ошанин. 15. Оттавено. 16. Хренников. 18. Лядер. 20. Боркс. 23. Ученица. 25. Рудинкин. 26. «Дружба». 27. Вацурист. 28. Знание. 30. Власов. 31. Артура.

доцента на ветеринарном отделении университета.

С востона они двинулись по пыльной дороге к холмам, где в аллеях цвели черешни, где зеленела трава и где желтый терновник был осыпан россыпными белыми цветами.

Над воротом, подобно триумфальной арке, возвышался над двух деревянных столбов отгородка доска с надписью: «Загородний черешневый ресторан».

Пиво там было вроде комолта из черешни. Но пан Дитмаров был рад, что есть хотя танец, и пил с энтузиазмом.

Чуть ли молчал и смотрел на Марину пригнучу, там что-то пошло, и это что-то было, как он уста-

ювил, не что иное, как зеленая трава. Она так захватывала его, что он даже живо представлял себе, как на эту траву облизываются муравьи. И, наверное, он долго бы еще наблюдал за ней, если бы барышня Майя не сказала, что хотела бы немедленно поехать.

«Иди с панами учителями», — разразилась пани Дитмарова. Молодые люди встали. При этом учитель не сказал даже «пожалуйста», и лишь тогда они были уже у выхода, он проборотал про себя: «Архис маленький, тля земляная».

Мая потащила его на холм и, усевшись, предликая место возле кургана, трава и муравьи.

Мая сказала, что эти цветы падают, и что это необыкновенно красивые цветы, ей хотелось бы лететь, и что это майская сныть, и что трава такая зеленая и свежая.

«Соту!» — произнес пан учитель, — такая трава, как здесь, ослепе вранца, «ветвяк и кончик у нолик» начинаются обычно как раз тогда, когда выведены броненосные норма. Особенно у них раздуваются животы...»

Наивернейшим средством в таких случаях, — добавил он задумчиво, — является введение такого раствора в пропорции один и десати. Это очень интересная манипуляция.

Он замолчал, что дало ей возможность собраться с духом и снова обратиться его внимание на ясное голубое небо красоты окружающей природы. Она сказала также, что ей хотелось бы обнять целый свет.

На это он ей ответил, что обнимание есть механизмом чувственной способности и что в переносной форме этот механизм проявляется при выработке кристаллов в насыщенный раствор.

Только теперь она почувствовала, что ее кусают муравьи, и предликая твердость на другое место. Он установил, что это красивые муравьи и что она сидела на муравейнике.

Затем они двинулись по вершине холма, и она снова и снова настойчиво твердила о том, как это красиво, когда цветут черешни, и что нужно приобратить к этой красоте, почувствовать в нее, и что сердце, все тало...

«Если вы живете в виду создания природы», — барышня Майя, — вы вполне с вами согласен. В природе все стремится преобразиться в наиболее совершеннейшим образом. Здесь, например, я продолжаю это с помощью чувства, но еще более совершенным является материальное преобразование. Возникает хотя бы необычайная близость между объектом и субъектом. Вдохновенная горилла, например...»

Он был страшно поражен, когда почувствовал, что немное создание вдруг изо всех сил ударило его по лицу, да так, что даже разбежалось.

Без стесно он был как слепой посреди всей этой красоты и кричал вслед ей, плачущий и убогающий и кружным пивом своим родителям: «Но позвольте, барышня Майя, идеальная горилла действительно...»

Отеца не было. Только цыты плавая на голову несчастного ученого, переполненную недожонеными гориллами.

Перевела с чешского С. ВОСТОКОВА.

ВЕЩИ О СЕБЕ

КРИВОЕ ЗЕРНО

Кривое зерно задребанно: какие все вокруг уроды и рожи!

ПЫЛЬ

Себя весьма ученой Пыль считает: — О! Я на книжках доломала!

СЛИЗНЯК

— Где ни бывал Я, — зло лищит Слизняк, — Пускаю слизню и крошечный мран!

ЗАМОК

Крехтит, замыкаясь на двери: — Не верю я в честность. Не верю...

СПИЧКА

Предела нет ее бахвальству! — Дала и прикурить начальству.

В. ЧУВЕНКО

П. ДЕДОВ

Нурочка-Ряба

(Старая сказка на новый лад)

«Ниди-биди дед и баба. А у них холостая Ряба... Незаметнейшая птичка... И снесла она яйцо. Не простое — золотое».

Дед был, и баба была. — Словом, все как в сказке, было. Не придум тому огласки, — все о и поговилось, как в сказке. Но услышали о чуде бард отшельнический слюды. И летит в район дельца. А оттуда — в область спешно.

Завязалась переписка: — Нурочка снесла яйцо! — Нависте, жу и что жеп! — Золотое!

Вить их момент! Сказать сияльвать нам брось! — С этого и началось... Совешные ли, соборные, Слет, актив вил асадения. Вудь в колхозе или в тресте, Вудь в другом каком-то месте, — Везде Нурочка найдет! Везде Ряба в почет! Столько Рябых нецят. Что в глазах у всех рябило!

Года два такя дядос, — От них отпала Ряба. — Нестя — не то чтеб золотые — и крысье разучились!

Рисунки В. ГОЛЬДЛЕВА.

И решили дед да баба, Что, пожалуй, это птица! Только в сул тектор ходит! Дед и баба были правы, А мораль — она одна: Но шуметь не против славы, По сылка не зря!

На первой странице обложки: Кто этот юноша, поправляющий гусарский кивер? Оказывается, это молодого гусара зовут... Ладислав Ошольский автор Л. Голубиной и ее товарищ, создателей фильма «Гусарская баллада», читайте на стр. 25.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Б-66, Спартановская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы: литературы и искусства — доб. 2-15; олимпиа и публицистики — доб. 3-52; международный связи — доб. 3-21; филологический — доб. 3-44; юмора и сатиры — доб. 4-79; писем — доб. 2-83; науки и техники — Е 7-65-82; информации — Е 7-65-92; оформления — Е 7-31-32.

Главный редактор А. В. Косинов.

Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Л. Разуминович (заместитель главного редактора), Е. И. Рябчиков, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Б. Стуков.

Оформление В. Недогонова.

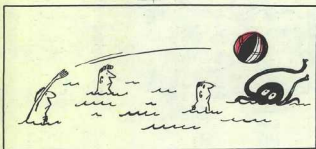
Технический редактор Н. Вудкина.

А 03962. Подписано к печати 22/VI 1962 г. Тираж 800 000 экз. Изд. № 1462. Заказ № 2204. Формат бумаги 70х100% 2, 6 л. — 5,46 п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

Первый художник — передвижник

Рисунок Г. Оганесова.

Подставной игрок

Рисунок Р. Овсянина.

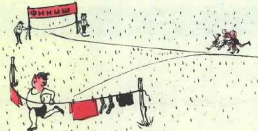

Рисунок В. Регалкина.

Узы Гименей.

Рисунок В. Почечуева.

Рисунок В. Воеводина.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ У ПРОХОДНОЙ

Музыка Г. ПОНОМАРЕНКО.

Слова А. СКОРОМЬКИНА.

У меня друзья, давно
В сердце моего.
Я девочку полюбил
С нашего завода.

Припев: Каждый день
у проходной
В дождь, и в снег, и ветер
Я стою, как часовой,
Чтоб ее мне встретить.

А дождусь — она спешит
Поскорей до дому
И со мной говорит,
Словно с незнакомым.

Припев.

Сколько месяцев подряд
Голову мне кружит,
Словно я среди ребят
Выгляжу всех хуже.

Припев.

Лучше слесаря, чем я,
Нету в нашей смене,
Только милая моя
Этого не ценит.

Припев.

Заводских моих друзей
Ждут девчата в клубе.
Я ж, как тень, хожу за ней,
Жду, когда полюбят.

Припев.

До сих пор у проходной
В дождь, и в снег, и ветер
Я стою, как часовой,
Чтоб ее мне встретить.

Припев.

Умеренно, тепло

У меня друзья, давно
в сердце моего. да.

я девочку полюбил с нашего за- во- да. Каждый день у про-ход-ной

в дождь и снег и в ве- тер я сто-ю, как ча.со.вой, чтоб е.е мне встретить.

Каждый день у проходной
в дождь и в снег и в ве- тер я сто-ю, как

до сих пор у проходной
в дождь, и в снег, и ветер
я стою, как часовой,
чтоб ее мне встретить.

Для повторения

ча.со.вой, чтоб е.е мне встре-титься.

На вторжение Наполеона с его «двунадесять языками» в 1812 году Россия ответила народной войной. Триумфальное шествие наполеоновских полчищ по странам Европы закончилось позорной и гибельной «ретирადой» из сожженного Кремля.

Брагов разили не только солдатские штыки, казачьи пики да сабли, но и только рогатины и вилы партизан, но и острое народное слово, злая карикатура.

В дни столетия Бородинской битвы нельзя не вспомнить и об этом оружии из арсенала Отечественной войны 1812 года. Сегодня мы воспроизводим несколько сатирических рисунков, опубликованных в периодических изданиях того времени.

«Если б французы не синали так, как крысы, то не пошла бы в мышеловку и Васильяса».

(Лубочная картинка.)

Крестьянин Иван Долбыза: — Вот и выла-зубышка пригодились убирать да улаживать. Ну, мусьё! Полю взрагивать!

Рисунок А. Венецианова.

«Ретиреда французской конницы, которая съела своих лошадей в России».

Наполеонова пленена.
«Не удалось тебе нас переладить на свою погуду, поплалли же, басурман, под нашу дудку».

(Лубочная картинка.)

«Французский воиер в 1812 году».

Рисунки И. Теребенева.

Цена номера 20 коп.

